

Владимир ВАЛУЦКИЙ

ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ ПРО КИНО

и другая проза

Владимир Иванович Валуцкий

Две маленькие повести

про кино и другая проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74053062

Две маленькие повести про кино и другая проза:

ISBN 978-5-901586-32-7

Аннотация

В сборник вошли повести и рассказы известного киносценариста Владимира Валуцкого. Эти произведения писались не на заказ, а в стол. Не для экрана, а для бумаги. Не для зрителя, а для читателя.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ!

Содержание

Повести про кино	5
Великий эпизод (кем-то не оконченная повесть)	5
Точка невозврата	47
К читателю	47
Часть первая	49
Приложение	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Владимир
Иванович Валуцкий
Две маленькие повести
про кино и другая проза**

© Валуцкий В., 2009

© ООО «Мастерская Сеанс», 2009

Повести про кино с приложением к ним

Великий эпизод (кем-то не оконченная повесть)

Читателю

Однажды, лет тридцать назад, мы договорились по телефону с редактором киностудии, что мне пришлют сценарий на отзыв. Однако, когда утром я взял у лифтера оставленную папку, в ней не оказалось никакого сценария, но была довольно потрепанная рукопись. Рукопись я прочел. Она показалась мне написанной человеком, имеющим отношение к кино, литературно не бездарным и, видимо, поклонником М. Булгакова.

Расспросы и розыски ни к чему не привели, и рукопись осталась у меня невостребованной.

Готовя к печати, я дал ей название (взятое из текста) и убрал очевидные портретные сходства с уважаемыми людьми, совершенно не заслужившими иронии автора.

На улице было пасмурно, на работе – тоскливо.

В два часа, после обеденного перерыва, я отпрашиваясь у Василия Васильевича к зубному врачу. Он не поверил, но отпустил.

Дальше было так: выйдя из института, подземным переходом я пересек площадь и поднялся на пятый этаж универмага, где примерил серый, как бы из твида, пиджак. Пиджак мне понравился, но денег все равно не было. В телефонной будке возле универмага я набрал номер, но обнаружил, что у трубки выбит микрофон, и решил вообще сегодня не звонить Наташе.

Тем же подземным переходом я пересек площадь в обратном направлении и сел в автобус, против обыкновения, полупустой. Пять остановок я простоял у кассы с двугривенным, ожидая сдачи, – и бросил двугривенный без сдачи уже на своей остановке.

Все эти серые подробности между двумя и тремя часами пасмурного дня 14 октября 197... года запомнились мне лишь потому, что предшествовали событию, которому суждено было сыграть исключительную роль в моей жизни скромного сотрудника одного из московских НИИ.

Этим событием была телеграмма, ожидавшая меня дома: «Поручению объединения «Бриг» прошу позвонить пят-

надцатого октября телефону (назван номер) редактор-организатор Ландау».

Я поставил на плиту борщ, достал чистую тарелку, сел и стал размышлять.

Телеграмма озадачила меня своей абсолютной неожиданностью. Я не удивился бы ей два года назад, когда самонадеянно отправил свой сценарий под названием «Десять часов, двенадцать минут» на всесоюзный конкурс. Тогда я еще не знал, как много людей в стране пишут киносценарии. Мне разъяснил это с экрана телевизора критик Болгарский через год, когда подводились итоги конкурса. Усталым голосом критик сказал, что жюри пришлось ознакомиться с двумя тысячами опусов, в большинстве своем графоманских. Поскольку в списке премий моя фамилия не фигурировала, я отнес себя к графоманам и успокоился.

Действительно, когда авторитетные люди научно обосновывают отсутствие у тебя таланта, становится как-то спокойнее. Утихает некая маета, возвращаешься на землю.

И все же телеграмма была, несомненно, связана с «Десятью часами». Никаких других точек соприкосновения с кино, если не считать обычной зрительской любви к нему, у меня не было. Правда, я кое-что все же пописывал на досуге, но, во-первых, это не имело отношения к кино, а во-вторых, об этом знал только мой друг Савва.

Съев борщ, я позвонил Савве на службу.

– Знаешь что? – выслушав, посоветовал он. – Порви эту

телеграмму, выбрось ее и забудь.

– Вот тебе раз, – обиделся я.

– Ты имеешь дело с кино...

– Пока еще не имею.

– И не надо. Там жулик на жулике, – убежденно произнес Савва. – Наверняка обманут ни за грош.

– Так уж ни за грош, – возразил я, чувствуя, что обида не утихает, напротив.

– Ну, за два, – сказал на прощание Савва.

У Саввы вообще была странная неприязнь к кино. Я предполагал, что свою роль в этом сыграл его неудачный роман с одной актрисой, правда, не из кино, а из мюзик-холла. У меня романов с актрисами не было, и мне не хотелось верить предположениям Саввы, особенно сегодня. Я даже подумал: может быть, Савва мне просто завидует?

Все из их лаборатории уже побывали за границей, нефть и газ сейчас модная штука – а Савве не везет ни по службе, ни в любви. Так станешь пессимистом.

Почему же – тем более – не может один раз повезти тридцатилетнему человеку, который никогда и ничего не требовал от жизни и честно жил отпущенным? Не вознаграждение ли это за терпеливость?

Но терпеливость – терпеливостью, а сценарий – сценарием, поэтому разберемся трезво.

Что в нем такого особенного? В сущности, это ведь моя история с Наташей. Несколько идеализированная, плюс

немного игры фантазии. Никакого глубокого конфликта, никаких открытий. Правда, есть там у меня один эпизод, начальный, помню, я даже им гордился: героиня улетает, и город... А впрочем, и это, наверное, где-то уже было.

Нет, серость не вознаграждается. И не надо пестовать в себе гордыню. Чего мне не хватает? Славы? Так об этом и мечтать нечего, не обломится, надо прежде всего родиться тщеславным... Лжетвидового пиджака не хватает? Так я его куплю с получки, и у меня будет маленький праздник.

Каждый рождается для своего, думал я. Должен же кто-то завтра закончить разборку каталогов научно-технической информации и получить у Василия Васильевича новое задание. Без этого жизнь, конечно, не остановится, но слегка притормозит свое поступательное движение. Выходит, и я в ней тоже кое-что значу.

2

Так я думал и рассуждал вплоть до 12 часов 30 минут 15 октября. В 12.30, вопреки всей логике, я позвонил.

– Кто? – отозвалась девушка, тотчас снявшая трубку. – Кого?... Можно потише? – доносился разноголосый гвалт, он смолк. – Кого?... Можно погромче? Ландау? Я у телефона.

– Я вчера получил от вас телеграмму, – сказал я.

– Это Старыгин? – сразу догадалась девушка, к моему удивлению. – Очень хорошо, что позвонили. Вы не могли бы

подъехать через час, лучше минут через сорок? Я вам объясню, в чем дело: Антон Ионыч улетает в Камерун, вернется через две недели, он хотел бы, чтобы встреча состоялась до отлета.

– Понимаю, – вымолвил я, трудно, впрочем, понимая, о чем речь и кто такой, в частности, Антон Ионович.

– Антон Ионович Щегол, режиссер, – тут же догадались на другом конце провода. – Вы наверняка знаете его картины.

Вот так поворот! Мне стало жарко. Про Антона Ионовича повсеместно читали лекции в университетах культуры. Мальчишками мы с Саввой бегали на его «Сына партизана», которого играл незабвенный Коля Огневцев, обессмертивший свою фамилию ролью Жорки-разведчика (и впоследствии, как рассказывали, под бременем славы спившийся). В пятидесятые годы нашумел проблемный фильм Антона Ионовича «Козерог над Песчаной улицей». Кипели споры. Критики обвиняли Антона Ионовича в уступках чуждой эстетике. Часть картины была черно-белой, часть – в цвете, а часть – в негативе. После этого удивительного взбрыка Антон Ионович поутих и за последние десять лет в доброй своей старой манере экранизировал три романа Писемского. Как же мне было не знать Антона Ионовича Щегла! А Ландау тем временем говорила:

– ...как раз сейчас на студии и смотрит материал, а через час уйдет. И было бы очень хорошо, если бы он до худсовета высказал вам свои замечания по сценарию, с тем чтобы, ко-

гда он вернется из Камеруна...

– Подождите... – Я переложил взмокшую трубку к другому уху. Я не поспевал мыслями за ее бойкой воркотней. – Послушайте, вы не ошибаетесь?.. Я написал всего один сценарий в жизни, два года назад, на конкурс. Я вообще не сценарист, просто – случайный человек...

Молчание Ландау казалось озадаченным.

– Ваш сценарий называется «Десять часов, двенадцать минут»? – спросила она.

– Так называется, – ответил я, и что-то вдруг шевельнулось и защемило во мне, похожее на нежность к забытому детищу...

– Видите ли, я сама ваш сценарий еще не читала... Но Антон Ионыч... – рядом вдруг забубнил посторонний голос, Ландау ответила: «Нет, ты не в курсе». – Знаете что, – произнесла она решительно, – нужно, чтобы вы приехали. Обязательно. Сегодня. Я заказываю вам пропуск, договорились?

Сердце у меня упало, я обреченно ответил:

– Договорились.

– Вот и чудесно, – обрадовалась Ландау и, назвав адрес, положила трубку.

Ах, черт возьми, зачем вчера без всякой надобности я разболелся зубами? Второй раз номер не пройдет. А невозможного я никогда не умел совершить... Я доплелся до своего отдела, бесплодно перебирая варианты.

И тогда свершилось нечто, после чего я понял, что судьба,

а не я сам движет отныне моей жизнью. И сейчас она сказала свое слово устами заглянувшего в отдел Василия Васильевича:

– Старыгин, вам не трудно подскочить в Комитет и передать письмо для Агафонова? Обратно можете не возвращаться.

Через минуту я вылетел на улицу, и здесь, у самого входа в институт, судьба снова поджидала меня, преобразившись в зеленый глазок такси.

3

Круглые уличные часы над проходной Студии указывали, что назначенные сорок минут истекают. Я бежал к главному блоку трусцой. По аллее шагали очень обыкновенные мужчины и женщины с портфелями, хозяйственными сумками и даже с авоськами, и в авоськах, как положено, светились оранжевые апельсины. У нас их тоже давали иногда в буфете.

При входе стояла Доска почета с фотографиями совершенно неизвестных народу товарищей. «Старший мастер цеха электрооборудования А.С. Кувалдин», – прочел я на бегу под первым портретом. И таблички на дверях коридоров были удивительно знакомые, совсем родные: «Зав. производством», «Нач. АХО», «Бухгалтерия». И хотя я понимал, что на любом производстве не обойтись без бухгалтерии и АХО, такая обыденность вдруг показалась мне неуместной и даже

обидной в день, так необыкновенно начавшийся.

Из комнаты № 309, куда я постучался, как будто слышался смех. Но, скорее всего, это было плодом настороженного воображения, потому что, когда я вошел, никто не смеялся, и все дружелюбно посмотрели на меня, кроме усатого парня, который сидел с сигаретой на подоконнике и выглядел мрачным.

– Вы – Старыгин, – утвердительно объявила одна из девушек, полнолицая и краснощекая, выбежав из-за стола. – Здравствуйте. Ольга Ландау. – Я пожал ее круглую теплую ладошку. – Молодец. Хорошо. Садитесь. Я сейчас.

– Ну, я тронул, – произнес усатый парень, сползая с подоконника.

– Не хочешь дожидаться Мамаева побоища? – спросила другая девушка, беспрерывно крутившая телефонный диск.

– Побоище – без меня, – отозвался усатый от двери.

– А что потом? – спросила Ландау. Она сидела на корточках у шкафа и копалась в нижней секции, набитой папками. Парень не ответил, дверь закрылась, снова зажурчал диск, а я впервые осмелился оглядеть комнату, в которую попал.

Кабинетик был маленький и веселенький, с кактусами и кофеваркой на окне. Чувствовалось, что в нем трудятся женщины. Особенно живописными были стены. На стене слева были веером расклеены портреты кинозвезд, вырезанные из польского «Экрана». Почти всю правую стену занимал огромный и яркий рекламный плакат заграничного фильма.

«Kozerog» – прочел я первое слово, потом разгадал другое: «Pestchanaya» – и понял свою ошибку. Конечно же, речь шла об отечественном «Козероге над Песчаной улицей» Антона Ионовича Щегла.

Больше ничего я рассмотреть не успел, потому что Оля Ландау выпрямилась, и в руках у нее я узнал свой сценарий в мерзкой блекло-синей папке скоросшивателя.

– Побежали! – скомандовала она. – Антон Ионович может улетучиться в любую минуту. Логинов придет – пусть сидит, для Швеца меня нет, – наказала Оля девушке у телефона. Она уже стояла у двери с моей папкой под локтем. – Бежим, бежим скорее!

И мы побежали. Действительно побежали, в прямом смысле слова! «Ну, я побежал», – говорят у нас обычно в институте и медленным шагом спускаются в вестибюль, перекуривают со встречным сигарету-другую... Тут я едва поспевал за Олей, оказавшейся, несмотря на полноту, очень прыткой.

Мы нырнули в какую-то неожиданную фанерную дверку, оказались на обшарпанной лестнице с черными трубами, мелькнул справа склад, где на антресолях громоздились прожекторы, а в очень широком коридоре без окон и дверей нас чуть не сбил электрокар, везущий русскую печку. Потом Оля, заглянув в окованную дверь, за которой что-то стрекотало, произнесла слова, похожие на пароль, а именно:

– Тают белые снега? – и получила ответ, видимо, утверди-

тельный, потому что, обернувшись, выдохнула: – Успели! – и за руку ввела меня в соседнюю дверь, в темноту.

И тут я услышал громкий и жесткий крик, от которого невольно похолодел:

– Резать!.. Ре-езать!

4

Не помню, как меня запихнули в кресло, я сидел где-то с краю в последних рядах, потирая ушибленную впотьмах коленку, а голос продолжал негодовать и требовать крови...

– Антон Ионыч смотрит материал молодого режиссера, – шепотом пояснила Ландау и скользнула к пульту, где что-то светилось и откуда (я не смел оглянуться) исходил негодующий голос:

– Резать! Резать!..

На экране шла какая-то безобразно исцарапанная пленка. Девушка с очень знакомым лицом медленно ехала на велосипеде, и ее временами густо перекрывали то волнистые линии, то цифры. Ехала она довольно долго.

– Резать, – убежденно повторил голос.

– Зарезана до предела, – ответил кто-то с тоской.

– Антон Ионыч, – пробасили за моей спиной. – Она, понимаете, Прасковья, должна махнуть Павлу рукой...

– Что? Какая Прасковья?

– Героиня, вот эта...

– Кому должна? Чем? Ерунда! – безжалостно отвечал Антон Ионыч. – Отрежьте руку. Ее, этой самой, как ее, черт...
– Прасковьи.

– ...должно быть в пять раз меньше! В десять! Знак! Блик! Зритель уже заснул. Вы что, не видите, что зритель уже заснул? – воскликнул Антон Ионыч.

Я вздрогнул, потому что единственным зрителем в зале был я. Я даже пошевелился в кресле, дабы не возникло сомнений, что я вовсе не спал, а во все глаза глядел это странное кино.

– Почему она вообще— Прасковья? – помолчав, прибавил Антон Ионыч. – Незапоминающееся имя, клянусь вам. Не мешайте смотреть, – сердито заключил Антон Ионыч, хотя никто его не перебивал.

За моей спиной тяжело вздохнули. А на экране тем временем происходили вещи совершенно удивительные. Героиня Прасковья, которую за что-то невзлюбил Антон Ионыч, спорила с неизвестным бородачом, но говорил один бородач, а несчастная Прасковья только разевала рот, и бородач терпеливо ждал, когда она закончит свой немой, но, судя по всему, резкий монолог. Я приготовился услышать новый разнос, но Антон Ионыч, вопреки моему ожиданию, молчал.

– Вот это – изящно, – молвил он наконец. – Сразу видно: актрисе есть что играть. Раз, два, три, четыре... – вдруг начал считать Антон Ионыч вслед уходящей Прасковье, потом случилось совсем чудное: он запел. – На-ри-ра-ра... – увле-

ченно напевал Антон Ионыч, а Прасковья уходила вдаль. — На-ри-ра... Повернулась! — воскликнул Антон Ионыч, и героиня действительно обернулась. — Здесь — резать.

Махнув внутренне рукой, я не пытался больше ничего понять. Меж тем по экрану куда-то побежало множество ног в сапогах, преобразившись с отъездом аппарата в людей, волюющих под дождем брезент, причем ноги начинали бежать несколько раз, с одного и того же места. Бас объяснил, что брезент отберут по Прасковье. Антон Ионыч согласился, заметив, однако, что ноги нужно резать. Потом зажегся свет, и я увидел, что зал облицован тысячью довоенных матерчатых абажуров.

Все оглянулись назад, я тоже. Возле пульта сидели женщина в белом халате, парень в очках, сбоку от них Оля Ландау, а посередине — Антон Ионович Щегол, которого я сразу узнал по «Кинопанораме».

Еще тогда, у телевизора, я заметил, что Антон Ионыч и правда похож на какую-то птицу, но теперь я твердо убедился, что птица эта — орел, как бы ни шло это вразрез с несерьезной фамилией Антона Ионыча. Да, он был пожилым орлом, увековеченным в камне, — так значительно было его лицо с непомерным носом; волосы седыми перьями торчали на затылке, а глаза даже за стеклами очков горели истинно орлиным вдохновением — при этом глядели они прямо на меня. Я оторопел. Но тут Антон Ионыч как бы очнулся, и я с облегчением понял, что глядел он не на меня, а сквозь меня,

в пустоту.

– Жаль, – проговорил Антон Ионыч, и в каменные черты его вернулась жизнь. – Жаль, юные друзья, что мы ленивы и нелюбопытны. Да, нелюбопытны! – возвысил он голос, вставая, и я с удивлением обнаружил, что одет Антон Ионыч совсем не по-орлиному, в куцый джинсовый костюмчик. – Ибо если бы вы полюбопытствовали, что пишет по поводу монтажа Евтихиан Михеев (при этом имени все как-то мигом заскучали), мы не спорили бы сегодня о длиннотах. Когда ваш покорный слуга делал одну картину, вам ее, конечно, во ВГИКе не показывали... Но не в этом суть... ее могли бить за что угодно, но, простите – режиссер не ленился работать ножницами! Да! – решительно потрянул Антон Ионыч головой, на секунду задумался, и снова орлиное вдохновение озаорило его лицо: – Запомните – ритм, ритм и ритм; и если актеру нечего играть – резать, резать и резать! Это не я вам говорю, это вам Евтихиан Михеев говорит. Машина пришла? – неожиданным образом заключил Антон Ионыч свою речь.

Какой-то ассистент побежал узнавать насчет машины. Очкастый режиссер со своей командой хмуро потянулись к дверям, доставая сигареты. Оля Ландау, взглядом приказав мне не двигаться с места, стояла уже возле Антона Ионыча, прижимая к груди мой сценарий. Но прежде чем ей удалось раскрыть рот, Антон Ионыч еще раз поразил меня неподвижностью своих поступков: он вдруг ухватил редактора-организатора под микитки и весело заявил:

– Эх, хорошо быть режиссером!

– Антон Ионыч, – невозмутимо высвободилась Оля. – Вот сценарий. А вот – автор.

– Автор? – сказал Антон Ионыч, – Какой автор?

Я встал, чувствуя, как ускоряет биение моё сердце, и нелепо поклонился. Антон Ионыч поглядел на меня с недоумением, взял скоросшиватель и раскрыл на первой страничке.

– А! – воскликнул Антон Ионыч и снова взглянул на меня, но уже осмысленно. – Прекрасный автор! Где вы пропадали? Щегол, народный артист, – зачем-то представился он, пожимая мою руку, и опечаленно обратился к Ландау: – Черт возьми, но как же быть, я сейчас улетаю, в эту, как ее, черт...

– Без паники, Антон Ионыч, у вас есть пять минут, – сказала Оля. – Этого вполне хватит, чтобы высказать свои соображения автору, а худсовет мы проведем без вас, с учетом вашего мнения.

Разумной и трезвой девушкой была Оля Ландау, и не зря, видимо, держали ее в объединении «Бриг» редактором-организатором. С растущим облегчением я понимал, что самому мне говорить не придется – так решительно она повела дело. Она усадила Антона Ионыча обратно в кресло, и он сел покорно, а мы сели напротив него.

– Вы сочинили один великий эпизод, – значительно молвил Антон Ионыч. – Великий! Это когда она, как ее, черт... улетаёт, и город, если я не ошибаюсь... – Антон Ионыч залистал сценарий, но то, чего хотел, не нашел и папку захлоп-

нул. – Я не ошибаюсь, а вы догадались, о чем речь. Так вот, этот эпизод напомнил мне... у вашего покорного слуги был один фильм, весьма в свое время битый, его мало кто видел...

– Я видел, – сказал я пересохшим горлом. Антон Ионыч ужасно обрадовался:

– Серьезно? Смотрите-ка, оказывается, кто-то еще помнит неплохие картины! Но не в этом суть, – посуровев, продолжал Антон Ионыч. – Вы, конечно, читали Евтихиана Михеева?

– Я... не...

– Что? Немедля в библиотеку! Этот великан мысли сказал: если в сценарии есть хотя бы один, но – Эпизод, вы понимаете, с большой буквы, то фильм в кармане. Я его вижу... У-у-у. – растопылив ладони, прогудел Антон Ионыч, обратясь на мгновение, как я понял, в летящий самолет. – А остальное, – легко приземлившись, заключил он, – дописать несложно, работы вы, как вижу, не боитесь, не так ли, юный друг? – и в знак расположения Антон Ионыч хлопнул меня по коленке, одновременно бросив взгляд на дверь, в которой переминался вернувшийся ассистент.

– Но ведь сценарий уже... – начал было я, но тут же получил от бесцеремонного редактора пинок ногой под креслом.

– Значит, – поднимаясь вслед за Антон Ионычем, сказала Ландау, – мы можем с первым вариантом выходить на художественный совет?

– Худсовет – это я, – заметил Антон Ионыч.

– Разумеется, – согласилась Оля и потянула сценарий из рук Антона Ионыча, но тот не отдал, сказав:

– Перечту в дороге. За границей, знаете, особенно хорошо думается.

Он снова пожал мне руку, расцеловал Олю в обе щеки, с подмигиванием повторил, что хорошо быть режиссером, – и исчез вместе с ассистентом. Обратный путь мы совершали, не торопясь.

– Все отлично, – говорила Оля. – Что же вы там такое сочинили? Не терпится прочитать. Это правда ваш первый сценарий?

– И последний, – отвечал я.

– Пока – последний, – поправила Оля. – Сценарий всегда бывает первым и никогда – последним. Видели такого усатого в нашей комнате?

– Который не хотел ждать Мамаева побоища?

– Побоище, похоже, еще впереди... Так вот, он каждый раз клянется, что пишет последний сценарий и уходит в прозу – и про «Белые снега» он так говорил, а сегодня принес новую заявку... Кстати, у вас с собой паспорт?

– Кажется... а зачем?

– Для договора, ваши данные нужны.

– Не понял, для...

Она поглядела на меня с грустной, почти материнской жалостью:

– Боже, бедный, теперь я вижу, что вам действительно как снег на голову свалился...

Держась за своего редактора как за спасательный круг, я вернулся в комнату № 309, где девушка в очках, как и прежде, но еще яростнее накручивала телефонный диск. Оказалось, что ее зовут Соней и что она тоже редактор, но не организатор, а просто. Пока Оля бегала за бланками, Соня заправила кофеварку. Затем прошла процедура подписания договора, от которой у меня в памяти остались только скверно пишущая Олина ручка и ошеломившая меня сумма, большая часть из которой, правда, мне причиталась только в необозримом будущем.

Кофеварка закипала. Из стола появились три чашечки и сахар. Хозяйничая у низкого столика, девушки вдруг как-то приумолкли и почему-то очень сосредоточились.

Тогда я набрался храбрости и кинулся головою в омут, предложив сбегать.

К приятному удивлению, отговаривать меня пришлось не очень долго, через десять минут на столе стояли две бутылки шампанского, принесенные из буфета, местонахождение которого мне указали.

Стол несколько видоизменился к моему возвращению: кроме чашек на нем стояли тарелки с печеньем и яблоками; кроме того, за столом сидел незнакомый пожилой мужчина. Дело здесь знали не хуже, чем у нас в институте.

Но, Господи, разве можно было сравнивать! В какое же,

товарищи, сравнение могли идти наши пасмурные стены, покрытые плакатами и диаграммами, со здешними, веселенькими, с которых улыбались Барбара Брыльска и Светлана Крючкова! Разве шли в сравнение наши девушки, озабоченные сводками и техотчетами, с моими гостеприимными хозяйками, которые запросто могли сказать «без паники» народному артисту Щеглу? Разве снизошел бы до наших тайных посиделок Василий Васильевич – а между тем среди нас восседал старший редактор, коим оказался пожилой мужчина, Николай Андреевич с удивительной фамилией Эгалите.

Атмосфера установилась настолько непринужденная, что я уже совершенно не стеснялся спрашивать о том, чего не понимал.

– Ну, хорошо, – говорил я, чокаясь с Николаем Андреевичем. – Почему он говорит, а она разевает рот, мне ясно: когда озвучивали Прасковью, Павел был в командировке. Но почему зал облицован абажурами? – И мне объясняли: были неликвидные абажуры, оставшиеся от какой-то сказки, ими и облицовали зал для улучшения акустики.

– Понимаю, – не унимался я. – Тогда скажите, что за человека Антон Ионыч все время приводит в пример? Кто такой Евтихиан Михеев?

Уже знакомый мне морозец скуки пробежал по лицам. Николай Андреевич стал набивать трубку.

– Я что-нибудь не так сказал?..

– Нет, все правильно, – молвила Оля и вздохнула. – Ев-

тихиан.

– Евтихиан Михеев, – сказал, обстоятельно раскуривая трубку, старший редактор, – это теоретик кино, писавший в двадцатые годы...

– Как утверждает Антон Ионыч, – вставила Соня.

– Но это не факт, – добавила Оля.

– Беда в том, – пояснил Николай Андреевич, – что его никто, кроме Антона Ионыча, не читал.

– Поэтому, может, и вовсе никакого Евтихиана не было, – сказала Соня.

– Ну, это тоже не факт, – возразил Николай Андреевич. – Мы многого не читали. Мы вот, например, все не читали вашего сценария, хотя не сомневаемся в его существовании. И достоинствах. За вас! – поднял он стакан.

Мы допили шампанское, и Оля всплеснула руками:

– Действительно, безобразие. И Щегол увез единственный экземпляр. Саша, умоляю вас! Завтра же привезите сценарий, мы его распечатаем к худсовету.

Я пообещал сделать это с утра. Николай Андреевич посмотрел на часы и напомнил о просмотре. Девушки засуетились.

Меня пригласили тоже, и я был неслыханно благодарен, потому что в завершение дня чудес мы посмотрели прелестную французскую кинокомедию с Бельмондо, которая, в унисон моему настроению, утверждала, что жизнь прекрасна и удивительна.

Из дома я позвонил Савве и сообщил, что подписал договор. Савва надолго замолчал.

– Алло, – крикнул я. – Ты где? Я не шучу, честное слово.

– Поздравляю, – сказал Савва.

– Знаешь, кто режиссер? Щегол! Помнишь: Жорка-разведчик, Козерог.

– Ну.

– Пойдем в «Оку», отметим.

– Я что-то раскашлялся, – отвечал Савва хмуро.

Ах, Савва, Савва. Пошлют тебя за границу – вот увидишь, справедливость восторжествует, будет и на твоей улице праздник. Будь здоров, не кашляй.

– Наташка! – набрал я другой номер. – Поздравь – у меня приняли сценарий!

– Который час? – сонно ответила трубка.

– Помнишь, тот самый – «Десять часов, двенадцать...»

– А позже ты не мог позвонить? Мы договорились, я ждала, ждала... Я сплю! – брошенная трубка, гудки.

Ах, Наташка, Наталья. А ведь в том, что есть этот сценарий, как никто, виновата ты, и я тебе очень благодарен – особенно за туманный рассвет, когда ты улетала в командировку, в Одессу, а я провожал тебя на аэродром. Тогда мне и пришел в голову тот самый эпизод...

Идти было некуда, но и в комнате, знакомой до последнего гвоздика в стене, оставаться не было сил. Я вышел на балкон. Асфальт и крыши блестели, но небо, судя по звездам, прояснилось. Очень далеко над горизонтом перемигивались цветные огоньки – вылетал самолет из Шереметьева. Может быть, он держал курс в Камерун и на борту его мой сценарий возносился в заоблачные выси.

Она, понимаете, улетела, и герою показалось, что без любимой опустел город. Самым натуральным образом опустел: ехали пустые троллейбусы, исчезли прохожие, исчезли краски, город стал черно-белым, как в черно-белом кино; а самое главное, остановились все часы и всюду показывали время отлета – десять часов двенадцать минут, откуда и название сценария. Черт возьми, может, и правда, у меня неплохо варил котелок два года назад?

Только тогда город опустел – а сегодня он наполнился для меня новым смыслом, вот в чем разница, дорогие Савва и Наташа.

Мне тут же захотелось разыскать сценарий и перечитать Великий Эпизод.

Архивы мои не обширны, и все уместается в двух ящиках письменного стола. Я надеялся найти сценарий с ходу; казалось даже, что я видел голубой скоросшиватель не далее как позавчера, – но на поверку это оказалось оптическим обманом, ложной проекцией памяти. Я перерыл все ящики – сначала бегло, потом методично, даже дважды. Сценария

не было. Были испорченные зажигалки, исписанные шариковые ручки, высохшие фломастеры – всякая дрянь, которую почему-то нерешительным людям жалко выбрасывать; были Наташины письма из Сочи, стянутые черной резинкой; были какие-то грязные разрозненные листки с незаконченными рассказами.

Но сценарий отсутствовал начисто...

Проведя беспокойную ночь, я встал рано, произвел генеральную ревизию всей квартиры, сценария не нашел нигде, и кукушка на кухне прокуковала, что пора на работу.

Я вылетел в институт и сидел на рабочем месте ровно в половине девятого. И это было особенно мучительно, потому что, как объяснила мне Оля Ландау, на студии рабочий день у редакторов начинался не раньше десяти – нужно было ждать еще полтора часа.

Я провел их между перекурами и рисованием рожиц на каталогах. Наконец часовая стрелка подошла к десяти; продолжая суеверные игры с судьбой, я дал минутной стрелке дотянуться до цифры двенадцать – и позвонил Оле. Она обрадовалась мне, как старому знакомому, и неожиданно заговорила на «ты»:

– Саша? Когда подъедешь? Я договорилась с машбюро.

– Оля, – начал я дрогнувшим невольным голосом, и многоопытная Оля разом замолкла, почуяв недоброе. Я рассказал о своих безуспешных поисках.

– Так, – произнесла Оля. – А вы действительно уверены,

что не могли его выбросить?

– Абсолютно, – отвечал я. Обратный переход на «вы», похоже, не был хорошим знаком. Так оно и оказалось.

– Это катастрофа, – объявила Оля, помолчав, и еще я услышал, как глухо, прикрыв ладонью трубку, она сказала кому-то: «Он потерял сценарий».

– Но ведь у Антона Ионыча... – начал было я.

– Что – у Антон Ионыча? – отозвалась Оля, как мне показалось, с раздражением. – Во-первых, Антон Ионыч его тоже потеряет. Обязательно где-нибудь посреди Африки. Во-вторых, худсовет уже назначен, следующего ждать месяц. Ах, как все это... – потом в ее голосе снова появились пружинистые организаторские нотки: – Давайте думать, что делать! К Антон Ионычу сценарий попал от секретаря жюри. Следовательно, – рассуждала она вслух, – остальные два экземпляра могут оказаться у членов жюри или в архиве. («Это идея», – услышал я в трубке мужской голос.) Это идея, – повторила Оля. – Попытаюсь связаться с конкурсной комиссией. перезвоните мне к вечеру. Только теперь сами не потеряйтесь, – прибавила она, и разговор закончился, а меня прогнал от телефона наш зам, давно сердито переминавшийся с раскрытой записной книжкой. Я пошел курить.

Уверен, – взлетала у меня в голове и билась догадка. – Уверен? – В том то и дело, что не уверен! Совсем не уверен!

Это сейчас мои «Десять часов двенадцать минут» представляются мне величайшей духовной ценностью. А тогда,

два года назад, когда меня объявили в числе двух тысяч графоманов, – мог! Мог выбросить! И скорее всего, так и сделал. Выходит, что горят, горят рукописи! И что обиднее всего – горят на мусорной свалке!

Еле дождавшись половины четвертого (это уже было с грехом пополам похоже на вечер), я позвонил Ландау, и она сообщила, что в конкурсной комиссии сценария найти не удалось.

– Что делать? Все? – тихо спросил я. Оля вздохнула.

– Худсовет все равно состоится, назначено два вопроса, кроме вас, мы принимаем «Белые снега». Приходите в четверг... на всякий случай. Подумаем. Приходите, – добавила она ободряюще и, как мне показалось, улыбнулась на прощание в трубку.

6

До четверга я жил одними мыслями о четверге. Отправленный Василием Васильевичем с утра во внутригородскую командировку, я без двадцати одиннадцать уже шел по аллее Студии к главному блоку.

– Не нашли? – спросила меня Оля у порога комнаты, но спросила, скорее, для проформы. Чувствовался большой день.

Комната № 309 была наполнена незнакомыми мне людьми, среди которых я, однако, признал, усатого сценари-

ста, не дождавшегося Мамаева побоища. Соня, по обычаю, сидела у телефона. Все интенсивно курили.

Из разговоров, большей частью для меня туманных, я понял только, что ждут некоего Нестора Эммануиловича, что от его прибытия, на которое, впрочем, мало надежды, зависит очень многое, если не все. Эти имя и отчество мне показались знакомыми.

«Неужели...» – осенила меня догадка, и в памяти жирно всплыла фамилия великого критика, драматурга и скульптора – к стыду моему, я давно почитал его покойным.

Оля тут же оставила меня, озабоченная делами, и я, скрестив руки на груди, нелепо топтался у стены, разглядывая плакат «Kozeroг», пока заглянувший в дверь Николай Андреевич не попросил всех в зал.

Мы потянулись за ним, на ходу обрастая новыми людьми. Было заметно, что на просмотры эти ходят с охотой. Я не знал, из скольких человек состоит худсовет, но трудно было предположить, что девочки в белых халатах и шумные джинсовые мальчики набились в зал по служебной обязанности. Мы долго ждали кого-то (Нестора Эммануиловича, подумал я), потом в зал стремительно вошли двое начальственного вида мужчин, никак, однако, по возрасту не похожих на Нестора Эммануиловича, тем более что один из них дожевывал на ходу, и просмотр начался.

Несмотря на то что теперь все герои «Белых снегов» говорили нормально, никакого впечатления на меня картина

не произвела. Она была вялой и скучной, и я почувствовал, что по части «резать» всё решительнее солидаризируюсь с Антоном Ионычем и, может быть, даже с таинственным Евтихианом Михеевым. Из титров, завершающих картину, я узнал фамилию усатого сценариста: Э. Боровой.

На обратном пути из зала произошло наше знакомство. Мы оказались рядом, и Э.Боровой попросил сигарету. Когда он наклонился к протянутой зажигалке, пахло спиртным. Сценарист мне дружески улыбнулся.

– Для Щегла пишешь? – Я пожал плечами, как я мог еще ответить. – Давай, старичок, – сказал Боровой. – Худо ли бедно, попадешь в историю кино. А я вот просто в историю влип. Видал картинку? Вот так, – заключил он и побежал догонять Олю Ландау.

Из вышеприведенной речи я заключил, что сценаристу фильм не понравился тоже.

«Господи, – пискнул тут же во мне какой-то жалобный голос. – У тебя, худо ли, бедно ли – картина, и не первая, на экране, ее будут смотреть миллионы людей и читать твою фамилию в титрах. А у меня... Зачем я здесь?» – подумал я с тоской, мыкаясь в одиночестве по коридору, как вдруг Оля выглянула из двери и пригласила официально:

– Старыгин, зайдите, пожалуйста.

Через предбанник с секретаршей Оля, больше ничего не объясняя, ввела меня в светлый ковровый кабинет и усадила на свободный стул у двери, наказав другой держать для нее.

Усевшись, я, однако, успокоился — людей в кабинете оказалось больше, чем я предполагал, и среди них я не особенно выделялся. Люди молодые и пожилые со смутно знакомыми и совсем незнакомыми лицами сидели на стульях и диванах по периметру стен. Все это очень напоминало боярскую думу. Место трона занимал стол главного редактора (того, что опоздал, дожевывая, на просмотр). Опоздавший вместе с ним полный блондин сидел по другую сторону стола, и вернувшаяся на сбереженный стул Оля объяснила мне, что это директор объединения «Бриг» Ладушкин. Обсуждение началось.

Ладушкин, оказавшийся человеком с юмором, объявил, что сегодня надлежит рассмотреть картину «Тают белые снега» режиссера-дебютанта по сценарию Э. Борового. При этом он попросил высказываться активнее, помня, что картина и без того делалась трудно и долго и если мы будем так же тянуть с обсуждением, то снега совсем растают.

В заданном тоне и двинулось обсуждение. Николай Андреевич Эгалите, посасывая трубку, высказался в том смысле, что судить авторов нужно по избранным ими же законам, а по этим законам картина, в общем и целом, состоялась и с некоторыми поправками ее, вероятно, следует принять и представить дирекции.

Потом выступали другие и предлагали конкретные поправки. Но вот что меня озадачило: почти все выступавшие, ища спасительные для картины пути, сочиняли очень

неплохие сюжеты на тему «Белых снегов», совершенно, однако, не имеющие ничего общего с сюжетом реальным, И что самое удивительное, очкастый режиссер в заключительном слове поблагодарил за предложения и пообещал их незамедлительно выполнить. Впрочем, сценарист молчал и только с каждой минутой багровел.

Затем главный редактор взял слово, чтобы подвести итоги обсуждения. Но тут произошло следующее: Э. Боровой решительно поднялся, споткнувшись о собственный стул, что, как я заметил, всех встревожило.

– Боровой, не стоит, – миролюбиво молвил Ладушкин.

– Нет, стоит! Я трижды настаивал на показе материала...

– Господи, я же просила, – вздохнула рядом Оля. Скандал приобретал зримые очертания.

– Пусть он при мне встанет и скажет! – требовал сценарист, указывая пальцем с большим перстнем на режиссера.

– Я отвечу позже, – говорил режиссер, бледнея.

– Ну хорошо, друзья... – морщась, начал главный редактор, но и его Боровой перебил, сказав:

– А ежели вам хорошо, ежели всем хорошо – я хочу, чтобы мне тоже было хорошо, и снимаю к чертовой матери фамилию с титров. Официально прошу занести в стенограмму!

– Успокойся, Боровой, – снова призвал Ладушкин.

– А тебе – вообще руки больше не подам! – обрушился Боровой почему-то на Ладушкина и, опять споткнувшись о стул – на этот раз мой, хлопнул дверью.

Наступила скучная пауза, после которой режиссер твердо поднялся и сказал:

– Теперь я отвечу. – Но ответить ему не дали, возмущенно заговорив все разом.

– Анна Яковлевна, дословно, с «чертовой матерью», занесите в стенограмму! – особенно злобствовала усатая дама, при взгляде на которую почему-то вспоминались слова «воинствующий безбожник».

Тем временем рядом со мной снова отворилась дверь, и в ней показалось улыбающееся розовое лицо младенца, окаймленное белой шкиперской бородкой.

Обладатель этого странного лица опирался на суковатую палку с монограммами, а секретарша с выражением высокой причастности гордо несла следом за ним кресло.

И не было никаких сомнений, что явился наконец Нестор Эммануилович, потому что Оля, кричавшая с жаром, что «это нужно было сделать, но не сейчас», – вдруг осеклась, ахнула и бросилась вошедшему навстречу, а все мужчины встали. Нестор Эммануилович, следуя за креслом, весело оглядывал собрание.

– Шумим, братцы? – дружески спросил он, усаживаясь.

– Рады, рады видеть вас, дорогой Нестор Эммануилович! – отвечал главный редактор. – Нечастый вы у нас гость, нечастый.

– Что нечастый – это хорошо, – согласился Нестор Эммануилович. – Не надоем, – редактор собирался отчаянно

возразить, но Нестор Эммануилович продолжал, и перебить его не посмели. – А вот что опоздавший, каюсь. Впрочем, все относительно, – заметил гость. – В 1918 году в комиссии ВУКФУ по синематографическим зрелищам заседал со мною Виктор Иванович Крестовоздвиженский, профессор, автор фундаментального труда «Этимология тибетских наречий». Милейший старик, но с одним недостатком. Он никак не мог перестроиться на новый календарь. Заседание назначалось на десятое, он и приходил десятого, но по старому стилю. То есть двадцать третьего. А по двадцать третьим числам в том же помещении на бульваре Лассаля, восемь, заседало Бюро котлонадзора. Но надо сказать, что Виктор Иванович честно отсиживал заседание по котлонадзору и порою даже выступал с дельными соображениями. Эрудированнейший был человек, прошу простить за байку не по делу! – лучезарно улыбнулся Нестор Эммануилович в заключение.

– Что вы, что вы, – понеслись со всех сторон протестующие возгласы, – это так интересно!

А усатая дама, на протяжении всего рассказа Нестора Эммануиловича делавшая знаки стенографистке записывать, дабы ни одно великое слово не пропало для потомства, воскликнула:

– Феноменально! Феноменально!

Нестор Эммануилович молча согласился с тем, что рассказ его феноменален, расстегнул байковую куртку, достал из кармана мундштук, вставил в него коротенькую сигарету,

прикурил у подбежавшего Ладушкина и сказал:

– В худсовет одной восточной студии ввели знаменитого акына. («Феноменально!» – воскликнула дама.) Он приходил на заседания с домброй и, сопровождая свои выступления игрой на этом замечательном инструменте, пел интересно, но долго. Не будем же ему уподобляться! Поэтому, опоздав на первый вопрос, постараюсь искупить свою вину, кратко и неумолимо высказавшись по вопросу второму. (От неожиданности перехода я похолодел.) Сегодня у нас на второе?.. – улыбнулся Нестор Эммануилович с очаровательным полувопросом и устремил взгляд на редактора. Последовала заминка.

– Мы собирались обсудить сценарий молодого автора... – начал главный редактор.

– ...с трепетом ждущего решения своей судьбы, – подхватил Нестор Эммануилович, безошибочно вперяясь ласковой улыбкой в меня.

– Сценарий предназначен для Антона Ионыча, но...

– Неуемный Антон! – покачав головой, молвил Нестор Эммануилович с дружеской теплотой в голосе. – Кстати, запомнил, как будет называться его новый опус?

Редактор опять замялся и беспомощно поглядел на Олю.

– «Десять часов двенадцать минут», – произнесла Оля в гробовой тишине, и по этой тишине я понял, что назревает что-то ужасное, и оно созрело в следующую секунду.

– Я получил сценарий «Десять часов двенадцать минут»

и прочитал его, – сказал Нестор Эммануилович.

То, что Нестор Эммануилович с первого взгляда признал автора во мне, свидетельствовало о том, что он действительно великий человек. Но дальнейшее выходило за всякие рамки реальности...

– Я прочитал сценарий, – продолжал Нестор Эммануилович. – И надо сказать, прочитал не без интереса.

В полной растерянности я глядел на Олю. Оля с недоумением глядела на главного редактора. Тот замыкал круг, глядя на Нестора Эммануиловича с изумлением. Но Нестор Эммануилович не замечал смятения, собою произведенного, и, не спеша выбивая мундштук, говорил:

– ...что же привлекает нас в этом, еще не очень ловко скроенном, еще нетвердо ступающем младенческой ногой по терра инкогнита драматургии сочинении? Великие реалии? Их нет. Исключительность фабулы? Нет и нет, как сказал бы Проспер Мериме. Привлекает нас естественность простоты, та истина, которую столь ценил Буало в третьей части своей «Поэтики». О чем, в сущности, сценарий? Не боясь нескромности, которую мне простит молодой автор, смею утверждать, что сценарий биографичен: история первой любви, первые радости и горести человека, познающего чувство, немного игры молодой фантазии...

Украдкой я оглядел лица членов худсовета. Я ожидал увидеть насмешливые взгляды, тайные перемигивания – но большинство, напротив, слушало прилежно, некоторые даже

согласно кивали, а стенографистка записывала... Самое же непостижимое заключалось в том, что Нестор Эммануилович, который никак не мог получить и, следовательно, прочитать увезенный сценарий, говорил о нем сущую правду – и говорил почти теми же словами, которыми когда-то пытался сформулировать его существо я! Про «великий эпизод» с самолетом он, правда, ничего не сказал.

Потом Нестор Эммануилович совершил блистательный экскурс в историю автобиографических произведений, предостерег автора от следования отжившей теории ослабленной драматургии, посоветовал работать над диалогом – и в заключение поприветствовал приход в кинематограф способного молодого автора.

Больше желающих выступить не оказалось. Тогда, не веря себе, я увидел, как встал главный редактор и, многозначительно переглянувшись с Олей (Оля кивнула), заключил заседание следующим образом:

– Предлагаю поблагодарить Нестора Эммануиловича за его содержательное выступление и, поскольку оно совпадает с мнением Антона Ионыча, мнением очень существенным, так как это мнение будущего постановщика сценария, сценарий принять.

– Доверившись, так сказать, маэстро! – прибавил Нестор Эммануилович и ласково обратился ко мне: – У кого учились, молодой человек?

– Я... – выкатилось у меня и застряло в горле, но Нестор

Эммануилович все понял и кивнул.

– У матери-природы – тем похвальней, – молвил он, поднимаясь из кресла. – Только вот вам мой совет: не доверяйте первому успеху, учитесь у мастеров – и в первую очередь, читайте... («Евтихиана»... – бухнуло в моем воспаленном мозгу.)

– ...Михеева. А теперь простите великодушно, – поклонился Нестор Эммануилович собранию, объяснил, что опаздывает на ученый совет в Институте прикладного искусства, и торжественно покинул кабинет.

С уходом великого старца множество любопытных глаз обратилось на меня; сидя с опущенной головой, я этих взглядов не видел, но чувствовал пламенеющими щеками.

«Вот сейчас все и начнется», – подумал я.

Но ничего не началось. Главный редактор поздравил меня, объявил заседание закрытым, попросил задержаться Олю, и все начали подниматься.

Схоронившись от постыдного триумфа, я курил на лестничной площадке, проклинал Олю, которая все не выходила, и прикладывал холодную ладонь к щекам.

– Что случилось? – явившаяся наконец очень веселенькая Оля остановилась, глядя на мои щеки.

– У вас все сценарии так принимают? – отвечал я неожиданно глухим и злобным голосом.

– Если бы все. А вы недовольны?

– Я в восхищении! Я бы вообще давно ушел отсюда!.. если

бы помнил, где здесь выход...

– Хорошо, – перестав веселиться, согласилась Оля и, крепко взяв за руку, повела меня – но, как выяснилось, не к выходу, а к ближайшей двери; распахнув ее, она втокнула меня в комнату и сказала:

– Сядь и успокойся.

Черт возьми, откуда у меня за такой короткий срок появилось необъяснимое доверие к этой решительной женщине? Бунт во мне поутих, и я сел. Комната оказалась рабочим кабинетом Николая Андреевича, о чем я догадался по торчащим из кружки обугленным трубкам.

– Ну, допустим, успокоился, – сказал я. – Но ведь он же не читал сценария! Все это поняли!

– Ну и что? – невозмутимо ответила Оля.

– Как – ну и что?.. Как?..

– Так. Во-первых, поняли не все. Большинство решили, что им просто не хватило экземпляров. Во-вторых, Нестор Эммануилович уже лет тридцать не читает сценариев. За предыдущие тридцать лет он прочел их миллион и знает, что ничего нового не напишут. Скажи – он ошибся?

– В общем... не знаю... нет...

Оля кивнула так, будто не предвидела другого ответа, и в кивке ее была явная гордость за Нестора Эммануиловича, а также вообще за кино, в котором она работает.

– Для нас важно одно: Нестор Эммануилович высказался. И высказался положительно. Это нужно для формальной

стороны дела. Для заключения, которое...

– Пойдите, погодите, – замотал я головой, осознав наконец-то главное, что заставило пять минут назад пламенеть мои щеки и что теперь противилось убедительным выкладкам Оли. – Я все понял. У вас свои игры. А я?.. А чужому каково играть в этом цирке? Забавный номер под названием «Поручик Киже»! – воскликнул я, волнуясь. – Ведь даже вы не знаете, что я написал! Никто не знает! Я сам не знаю!

Оля слушала, кивая с сочувствием.

– Бедный вы бедный, – проговорила она, но на челе ее одновременно обозначилось какое-то внезапное озарение. – Я вас понимаю. Понимаю, – повторила Оля уже рассеянно, занятая созревающей мыслью. Вынашивая ее, она ходила по комнате, а мне говорила следующее:

– Но и вы должны понять, что дело не в вас. Дело, Саша, в Антоне Ионыче. Если он решил ставить ваш сценарий, он все равно будет его ставить, что бы ни решил худсовет. Потому что Антон Ионыч – классик, а худсоветы – не для таких, как Антон Ионыч... Вот что, – обернулась ко мне Оля, и по заблестевшим ее глазам я понял, что озарение вылилось наконец в решение. – Пойдемте.

– Куда? – вздрогнул я.

– Пойдемте, – приказала Оля твердо. – Есть одна мысль.

Мы снова оказались в предбаннике главного редактора, и Оля, попросив меня подождать минутку, исчезла за дверью. Секретарша печатала на машинке, заглядывая в неряшливо

начириканный оригинал. Щеки у меня по-прежнему горели.

«О боги, боги, – думал я, почему-то переходя на высокий стиль. – С каким наслаждением («жандармской кастой», – продолжил не управляемый мозг, но касту я выпихнул, напрягши волю), – с каким наслаждением я выпрыгнул бы сейчас в это вот окошко, на этот вот желтеющий газон, перемахнул бы через этот вон чугунный забор – и помчался бы прочь по тем вон липовым аллеям, как Каштанка из цирка, обратно, в уютное вчера, к каталогам, к Василию Васильевичу, к Савве, который все предсказывал правильно, к Наташе – или в «Оку», куда, конечно, не ходят ни главный редактор, ни Нестор Эммануилович, но где...»

Тут я услышал, что секретарша о чем-то меня спрашивает.

– Ваше имя и отчество? – повторила она, строго глядя поверх очков.

Я ответил – и четырежды стукнули клавиши: А – точка, М – точка. И с последним ударом выглянувшая Оля пригласила меня войти в кабинет.

Состав худсовета успел разойтись, остались только главный редактор, Ладушкин и очкастый режиссер, выглядевший очень невесело. Ладушкин любезно предложил присаживаться поближе. Главный редактор, разглядывая меня с дружеской откровенностью, извинился за инцидент с Нестором Эммануиловичем, который, впрочем, по его мнению, был скорее забавным, чем обидным. Потом все, кроме ре-

жиссера, немного посмеялись – и замолчали, из чего я заключил, что позвали меня вовсе не за тем, чтобы извиниться за недоразумение.

– Тут такая мысль созрела, – сказал редактор, перекладывая на столе карандаши.

«Не у тебя она созрела», – сразу понял я и скосился на Олю. Но Оля, сидя в уголке, сохраняла индифферентный вид.

– Вы ведь видели «Белые снега»? – спросил Ладушкин и вздохнул, следом за ним вздохнул главный редактор.

– Наш автор, – сказал он. – Как бы это... ну, словом, вы и автора нашего видели.

– Больной человек, – покачав головой, скорбно вставил Ладушкин.

– Сумасшедший, – с ненавистью заметил режиссер.

– Словом, не могли бы вы нам помочь? – ясными глазами глянул на меня редактор.

– Я?..

– А почему нет? – весело вскочил и забежал по кабинету Ладушкин. – Мы вам заплатим, работа ерундовая, кое-какие поправки, ну диалог, режиссер у нас парень хороший, кстати, познакомьтесь – зовут Толя. – И, потрепав Толю за плечо, прибавил: – тоже первая работа, кому же друг друга выручать, как не дебютанту дебютанта, договорились, да?

Я открыл рот, чтобы сказать первое свое решительное «нет», – но Оля ответила за меня из своего угла:

– Договорились.

7

И вот я стою под дождем на остановке возле проходной студии, жду троллейбуса, а троллейбуса все нет, и дождь все сильнее, и жизнь моя раскололась, раскололась на мелкие кусочки, из которых не сложить снова того человека, каким был я всего-навсего неделю назад.

Гуляет где-то вдоль по Африке, фиги-финики срывает, мой сценарий, которого, может быть, и вовсе никогда не было на свете. А я, единым словом всемогущих Антона Ионыча и Нестора Эммануиловича зачисленный в сценаристы, и притом способные, стою возле студийной проходной уже с временным пропуском в кармане, и этот пропуск означает, что, не прочтя ни одной моей строчки, люди, ответственные за судьбы кино, доверили мне спасение картины, снятой по сценарию хоть и сумасшедшего, но все же Э. Борового...

И хотя мудрая Оля разъяснила мне, что это вовсе не подвох и не чудо, а прямой для объединения «Бриг» расчет: Боровой отказался наотрез, отдав дело на откуп, и уже укатил в Ялту, на маститого, опытного драматурга нет ни времени, ни денег, а работа по поправкам действительно пустяковая и, главное, даст возможность поучиться чему-то до возвращения Антона Ионыча, понюхать настоящего кино, – хоть я и понимаю все это, но чувство, что совершается какая-то

ложь, все равно сильнее; а еще сильнее его то стыдное ощущение, что шел я честно в одну комнату, но забрел по собственной оплошности совсем в другую, где меня приняли не за того человека, а я сижу и нет у меня сил объяснить истинную правду.

Но нет сил не только по слабости и по растерянности, а больше всего, наверное, по иной соблазнительной причине, и эту причину знаю я один, а может быть, еще – Оля.

Я знаю, что, взяв в НИИ отпуск за свой счет, я опять явлюсь сюда, к этой проходной и предъявлю свой новенький зеленый пропуск, а потом в зале погаснет свет, и снова будет ехать по исцарапанному экрану Прасковья на велосипеде, но уже не Антон Ионыч, а я буду кричать: «резать»; а потом в какой-нибудь прокуренной комнате мы будем спорить с режиссером Толей, те или не те слова говорит Прасковья бородачу, и Толя согласится наконец, что не те, и я напишу новые – пусть всего две фразы, но завтра их скажет перед микрофоном актриса с удивительно знакомым лицом, эти две фразы услышат и главный редактор, и Николай Андреевич, и Оля; услышу их я сам – и вот тогда, может быть, и я сам, и они поверят наконец, что два года назад я действительно написал сценарий с названием «Десять часов, двенадцать минут»...

На этом загадочная рукопись обрывается, не давая ответа, как сложилась дальнейшая судьба ее автора.

Этот вопрос занимал меня первое время после прочтения рукописи, и я приглядывался к самым разным людям, ища на него ответ. Так, например, на съемках одной картины по моему сценарию мне показалось, что молодой осветитель, симпатичный паренек в дымчатых очках (ныне ставший известным режиссером), тоже как-то испытующе на меня поглядывает. Но поскольку ни тогда, ни впоследствии он ни о чем меня не спросил – вероятнее всего, мне это лишь померещилось. С годами рукопись стала вызывать у меня совсем иные чувства.

Перечитывая её изредка, я ностальгически вздыхаю по тому самому, описанному автором доброму старому кино, которое сегодня, увы, отошло в область баек и преданий.

Точка невозврата (Повесть из e-mail)

К читателю

Вскоре после того как мною была опубликована повесть «Великий эпизод», я получил письмо по электронной почте со скрытым обратным адресом. Вот оно:

«Уважаемый Владимир Иванович!

Вы напрасно грешили на некоего «осветителя в дымчатых очках, ставшего впоследствии известным режиссёром», насчёт его авторства повести о кино (которой вы дали весьма удачное название). Это сочинение, не видя другой возможности его как-то обнародовать, прислал Вам я.

Осветителем я никогда не был, но сценаристом, и, пожалуй, даже известным, за тридцать лет, прошедших с тех пор, стал. И мы, вероятно, даже с Вами шапочно знакомы, встречаясь по разным общим цеховым делам или в Доме кино.

Вы могли бы меня вычислить и раньше по содержанию повести, но дело в том, что сценарий «Десять часов, двенадцать минут» так никогда и не был поставлен. Зато этот «великий эпизод» моей жизни действительно перевернул в ней всё и прочно

засосал меня в воронку кино, из которой, как Вам известно, обратного пути нет.

Я написал много сценариев, и плохих, и, как мне кажется, хороших, для кино и (в последнее время) для телевидения. И всё же хочу опять, прилагая к этому письму новую небольшую повесть, сохранить своё инкогнито.

Вы хорошо сказали про «старое, доброе кино, которое, увы, отошло в область баек и преданий». Так вот, эта повесть – о новом и недобром кино, которое пока никуда отходить не собирается и в котором мы, увы, живём и работаем. Зарабатываем на жизнь и стараемся сохранить с работодателями хорошие отношения.

Поэтому я счёл самым правильным послать, по традиции, новую повесть Вам – поступайте с ней, как Вам заблагорассудится. Но если захотите её напечатать – воспользуйтесь тем же приёмом, что и в прошлый раз, и не называйте моей фамилии, даже если догадаетесь о ней».

Перечитав повесть и увидев, что люди, описанные в ней, мне совершенно незнакомы и, скорее всего, являются художественным вымыслом автора, – я так и решил сделать.

Часть первая

1

Как жаль, что давно потерял ключик, который придавал (смею надеяться) моему давнему сочинению определённое обаяние. Этим ключиком было искреннее удивление своими открытиями в таинственном мире кино.

Потом – удивительное стало привычным и обыденным, работой, службой, текучкой – как хотите это называйте – а со временем я вообще перестал чему-либо удивляться.

Чему удивляться, если прожиты годы, и всё давно понятно и предсказуемо?

Я, например, точно знаю, на каких участках пути от дома до Останкино застряну в пробках, знаю, что припарковать мой «Пассат» поблизости от здания телецентра мне не удастся, и придётся топать до входа пешком с полкилометра, знаю, что пропуск, как всегда, мне забудут выписать и придётся снизу звонить на Канал по мобильнику и слышать в ответ неизменное: «Как, ах, неужели?» – и потом ждать минут двадцать в вестибюле, когда прибегут Катя или Костя с искомой бумажкой: «вы уж извините, так получилось...»

До скукоты точно я знаю, что, поднявшись, наконец, на этаж, где расположен Канал, я услышу от секретарши, что

Леонид Мартынович («уж извините!») ещё не освободился от беседы с другим автором или съёмочной группой, но освободится через пять минут, знаю, что пять минут растянутся минимум на час, который я проведу в соседней комнате, где сидят молодые люди и девушки, которые гоняют на мониторах куски каких-то фильмов, составляют на компьютерах разноцветные графики рейтингов, процентов и долей, говорят по телефонам и пьют чай, который тут же гостеприимно будет предложен и мне.

В уютной выгородке для чаепитий, за стеллажами с книгами и видеокассетами я буду пить раскалённый чай, курить (больше на Канале нет для этого разрешённого места – начальство некурящее) и попеременно вести светские беседы с кем-то из молодых людей или девушек, населяющих комнату: так меня будут развлекать, а говоря точнее – отвлекать от мысли, что я попусту теряю час.

Потом, наконец, меня пригласят к Леониду Мартыновичу, и он выскажет мне свои замечания и поправки по пятому варианту последней серии, которые, при всех хвалебных словах, сведутся, в итоге, к необходимости писать шестой вариант («на этот раз, честное слово, окончательный!»)

Но в тот день, с которого я начинаю свой рассказ, мне всё же пришлось удивиться. И не раз.

Ибо не прошло и получаса ожидания, как дверь в комнату шумно распахнулась – и сам Леонид Мартынович лично

явился ко мне из своего кабинета. В свежайшей, как всегда, рубашке, распахнутой на груди, со стриженной налысо головой и пышными светлыми усами, с гарнитурой от мобильного на ухе, источающий энергию и доброжелательность, улыбающийся приветливо и одновременно чуть виновато.

Он приложил руку к сердцу в знак извинения, а затем протянул её мне для рукопожатия.

– Виноват. Тяну, как знаете, четырнадцать проектов одновременно... Вас чаем уже поили? Как себя чувствуете? Боли в подреберье, а?..

У Леонида Мартыновича феноменальная память: мало того, что он держит в голове с точностью до запятой все четырнадцать проектов, которые продюсирует, – он помнит и про мои боли в подреберье. Которые, правда, были и прошли год назад, когда мы начинали наш очередной сериал.

– Боль, Леонид Мартынович, у меня сейчас одна...

– Сейчас пройдёт. – Ещё Леонид Мартынович всё понимает с полуслова. – Сегодня ночью перечитал вашу последнюю серию – драйв пошёл, структура сложилась почти оптимально. Несколько штрихов в диалогах... для руки, можно сказать, классика – пара взмахов пера. К среде, а?.. Но я не с этим понёсся, как сумасшедший, к вам навстречу!

Он уставил на меня полный таинственности взгляд, и тут я заметил, что в руке Леонид Мартынович держит что-то похожее на рукопись, свёрнутое в трубочку.

– Невероятная цепь счастливых случайностей. Хотите

сюрприз? Никогда не догадаетесь! Ну – сюрприз, а? – взгляд его и улыбка, обнажающая белоснежные зубы, загадочно сияли. – Только не падайте, на всякий случай сядьте на стул. Вам знакомо это произведение? А? Хотя бы – название?..

Леонид Мартынович протянул мне рукопись, она, как у фокусника, развернулась в его руке. И на открывшейся мне титульной страничке я прочитал жирно отпечатанное на принтере название:

«The Twelfth Minutes after Ten».

– Я не очень... английский...

– Но это же школьный минимум! – вскричал Леонид Мартынович. – А нюх, чутьё, память?..

Я снова взглянул на страницу, и не школьный минимум, а именно чутьё и память мгновенно высветили мне перевод названия. Такого знакомого и такого забытого:

«Десять часов, двенадцать минут».

– Слышали? – торжествовал Леонид Мартынович. – А, может, и сочиняли?

Я машинально перевернул лист и увидел текст, тоже напечатанный по-английски:

«EXT. STREETS. – DAY.

Rainy weather in London...»

– Сочинял, очень давно... Правда, не про Лондон.

– Да? – кажется, удивился Леонид Мартынович. – Но название-то ведь ваше?

Я только кивнул, озадаченный таким поворотом событий.

А Леонид Мартынович, братски обняв за плечи, повёл меня к двери под любопытными взглядами всех присутствующих.

– Осторожно, порожек... Как ваша нога?

Полгода назад я слегка подвернул ногу, и это тоже чётко заархивировал в памяти мозговой компьютер Леонида Мартыновича.

– Но там, насколько я заметил, не значится моей фамилии...

– Ха! В том и завязка интриги, что значится! – Леонид Мартынович остановился, открыл рукопись на последней странице и показал её мне. – Вот: «Special thanks...» – «Особая благодарность А. Сторикин... – фамилию, конечно, чуть переврали... – автору оригинальной истории и названия «Десять часов, двенадцать минут». Мопс щепетилён в вопросах права. Иначе как бы я вычислил вас?!

– Мопс – это автор сценария?

– Автор... нет, там другой. «Голден Пикчерис Моббс», голливудская кинокомпания!.. Просто «би» перед согласной у нас слышится как «пэ», поэтому мы и вынуждены произносить фамилию её основателя, как Мопс, – была мимоходом прочтена мне лекция по фонетике.

– Да я уже понял, понял.

– Тогда попробую объяснить всё остальное, – говорил Леонид Мартынович, ведя меня по коридору к соседней двери. – В той, конечно, мере, в какой сам понимаю.

Мы проследовали через приёмную, где Леонид Мартынович, предварительно осведомившись у меня, заказал секретарше кофе и зелёного чаю – и оказались в его кабинете, где я наконец сел на стул, как и советовал мне Леонид Мартынович с самого начала.

В кабинете повсюду работал кондиционер, шевеля ледяным ветерком листки и бумажки возле компьютера, но Леониду Мартыновичу и в одной распахнутой рубашке всегда жарко.

Он налил в два стакана минеральной воды из бутылки, один пододвинул мне, а второй залпом выпил сам и тоже сел – во вращающееся кресло напротив меня за длинным столом для совещаний.

– Так вот, – продолжил он разговор, но дальнейшие слова адресовались явно не мне, а ожившей на ухе Леонида Мартыновича гарнитуре мобильного: – Да. Нет. Ни в коем случае! Меньше, чем в пятьсот тысяч, им эта лафа не обойдётся. При всём моём уважении. ... Телл ту хим: ноу комментс. И попросите зайти ко мне Валерия и Валентину Дмитриевну. Простите. (Последнее уже относилось ко мне). Так вот... Ещё водички?

– Спасибо, я кофе подожду. Прохладно у вас.

Леонид Мартынович подхватил один из разбросанных на столе пультов, прицелил его в угол, и бумажки тотчас перестали шевелиться.

– Так вот, – начал он заново свою прерванную речь. – Вы знаете, у нас сложились плодотворные отношения с «Голден

Пикчерис Мопс», но пока это касалось в основном проката. А когда третьего дня я был в Лос-Анджелесе, зашла речь о совместном проекте. Я дал им несколько наших идей, но они прореагировали кисло. Как стреляный волк, я сразу понял: у них имеется – своя. И действительно, они предложили... – Леонид Мартынович поднял рукопись и потряс ей в воздухе, – вот это. Прочитал уже в самолёте. Текст... ну, так скажем, не супер. Но когда я прочёл – а ведь мог и не прочесть! – последнюю страничку мелким шрифтом и увидел вашу фамилию, я ожил! Поскольку в вас и ваши неисчерпаемые возможности всегда верил и верю! Теперь скажите, я сгораю от нетерпения – как?

– Что – как?

– Как это вышло? Вы писали там русские эпизоды? И когда это было? И почему я ничего об этом не знаю?

Тут секретарша внесла на подносе чай и кофе, а неизвестный мне молодой человек в чёрном костюме – две тарелки с нарезанными дольками яблок и апельсинов. И это дало мне несколько необходимых секунд, чтобы напрячь память и окончательно убедиться, что в событиях тридцатилетней давности не было и быть не могло ничего такого, о чём спрашивает Леонид Мартынович.

– Так вот, – начал теперь я. – С Голливудом я никогда не работал...

– Это упущение. Его, Голливуда.

– ... а главное, – продолжал я, проигнорировав тонкую лезть, – сценария с таким названием и моей фамилией не может быть. Его просто не существует в природе. Физически не существует. Потому что его единственный и последний экземпляр покойный режиссёр Антон Ионович Щегол потерял где-то в заграничной командировке. Отчего тогда и не состоялась постановка.

– А файл? Тоже пропал?

– Компьютеров ещё не было, Леонид Мартынович.

– Ах, да... Я слушаю, – сказал он, но снова не мне, а в гарнитуру на ухе. – Пришли? Пусть подождут, у меня совещание. – И уже мне: – Ну, ну, так я вас слушаю!

– Так это, собственно, всё, что я могу вам доложить.

Леонид Мартынович, отправляя в рот фруктовые дольки, задумчиво смолк.

Но по выражению его лица, по глазам, разгорающимся азартным огоньком, я почувствовал, что моим ответом вопрос не исчерпан. И фантастическая история с моим (или уже не моим?) давним сценарием сейчас же, сию минуту будет иметь какое-то столь же невероятное продолжение.

– Необъяснимого, как говорят физики, нет – есть ещё необъяснённое, – сказал Леонид Мартынович, подтянул к себе лист бумаги и начертил на нём прямой угол, разметив делениями по горизонтали и вертикали. – Попробуем разобраться в этом казусе последовательно и систематически.

Итак, о чём он был?

– Кто?

– Ваш тот самый, заинтересовавший великого режиссёра Щегла и им же потерянный, как вы говорите, сценарий?

Я вздохнул. Как рассказать «о чём», если сценарий был, в сущности, ни о чём, и даже это «ни о чём» с годами расплылось в памяти?

– Так, картинки жизни... Я предполагаю, что Антон Ионыч не особенно и обратил на них внимания. Ему понравился один эпизод, он даже обозвал его «великим»...

– Улетевший самолёт и остановившееся время? – подсказал Леонид Мартынович, вперяясь в меня пронзительными глазами.

– Именно. А что, – кивнул я на рукопись, – он существует и в этом сценарии?

– Так, так... – произнёс Леонид Мартынович, но отвечая не мне, а каким-то собственным мыслям, и что-то черкнул при этом на одном из делений по вертикали. – И вы совершенно уверены, что Щегол потерял ваш сценарий за границей?

– Да, он сам рассказывал. Забыл в гостиничной тумбочке. – Угадав ход мыслей Леонида Мартыновича, я покачал головой. – Но это было очень далеко от Лос-Анджелеса. В Камеруне, на каком-то африканском кинофестивале...

– Фестивале, – повторил Леонид Мартынович и снова что-то черкнул в своей системе координат, но уже по горизонта-

ли. – Международном, разумеется?

– Не знаю. Вероятно.

Леонид Мартынович перелетел вместе с креслом к светящемуся компьютеру и защёлкал клавишами и мышкой.

– Не вероятно, а... именно так. Кинофестиваль развивающихся стран в столице Камеруна городе Яунде. Примерно тридцать лет... семьдесят девятый год? – обернулся он ко мне.

– Очень может быть.

– Не может быть... а точно. Пятый, юбилейный фестиваль, с 25 по 29 октября. – На мониторе стремительно менялись тексты и картинки. – Антон Щегол, СССР, член жюри. А также... Луис Мвамба, Бурунди... Ахмет Сарани, Иран... – Леонид Мартынович молча пощёлкал ещё, а затем объявил удовлетворённо: – И Дуглас Ставински, сценарист и продюсер, США.

Леонид Мартынович перелетел обратно за стол, сделал три новых пометки по вертикали и горизонтали, соединил их все плавной синусоидой и поставил посреди листа жирный восклицательный знак.

– Что и требовалось доказать! Взгляните!

Я взял протянутый лист, но больше для приличия. Ибо и без графических доказательств уже понял: Антон Ионыч и Ставински, будучи членами жюри, жили в одной гостинице, Щегол обронил, а продюсер и сценарист, не будь дурак, по-

добрал, что плохо лежало. Разница между мной и Леонидом Мартыновичем была лишь в том, что я пришёл бы к разгадке перемещений моего сценария путём долгих размышлений (и то – если бы не поленился), а мой энергичный продюсер выяснил всё за минуту. Не зря до того, как объявиться в кино, он закончил ростовский мехмат и год преподавал математику в саратовском физтехе.

– Ещё вопросы? – Леонид Мартынович неспешно пил свой зелёный чай.

И спросил он правильно: несмотря на решённый первый вопрос, множество других вертелось у меня в голове.

– Ну хорошо, – сказал я, допив свой кофе. – Как мистер Ставински упёр чужой сценарий, теперь ясно. Но как он вообще догадался, что это сценарий? а не отчёт какой-нибудь? ведь он был написан по-русски и не в американском формате записи: номера, пробелы, диалоги столбиком?..

– Всего один вопрос? – отозвался Леонид Мартынович, глядя на меня при этом снисходительно-загадочно.

– Нет, много. Почему сценарий снова возник только через тридцать лет? На каком основании «Мопс» распорядился моей – они же сами пишут мне особое «сенк ю» – интеллектуальной собственностью? И, наконец, чёрт возьми, что написано в этом их сценарии с моим названием?.. Ведь пока я этого не знаю, разговор со мной, согласитесь, бессмыслен!..

Леонид Мартынович допил чай и вытер чистейшим носовым платком усы. Он перевернул лист с графиком на другую

сторону.

– Итак. Систематизируем второй акт нашего расследования, – на листе появились столбиком цифры «один», «два» и «три». – Мистер Ставински не мог не узнать сценария, потому что немного говорит по-русски, его предки бежали от большевиков из Киева в девятнадцатом году, – ручка жирно перечеркнула цифру «один». – Что сценарий снова возник только через тридцать лет – ничего удивительного, он лежал до тех пор, пока «Мопсу» не пришла идея подбросить его нам, – и цифра «два» была перечёркнута рукой Леонида Мартыновича. – Насчёт «интеллектуальной собственности» – сложный вопрос. Если бы они собрались иметь дело, скажем, с Францией – никакого бы «сенк ю» вам не было. Но поскольку они имеют дело с Россией, а наши авторские права знают плохо – Ставински подумал: а вдруг у вас есть ко-пирйт на «ориджинал стори», и решил перестраховаться...

– Подождите, – перебил я Леонида Мартыновича нетерпеливо. – А что, этот Ставински – такая известная личность? Я, например... А вы – откуда про него так хорошо знаете?

– Разговаривал с ним три дня назад, – с кроткой улыбкой отвечал мне Леонид Мартынович. – И именно ведущий продюсер «Мопса» Дуглас Ян Ставински передал плоды трудов сценариста Ставински лично мне в руки. – Тут была перечёркнута цифра «три». – Таким образом, дорогой Александр Михайлович, теперь оба наших знания о предмете сомкнулись в параболу встречного движения, и мы с вами имеем

полностью прояснённую картину происходящего.

Леонид Мартынович обвёл все зачёркнутые цифры плавным овалом, протянул от него стрелку, на её острие поставил два восклицательных знака и отложил ручку.

– Кроме одного – я не читал сценария!

В ответ на это Леонид Мартынович кивнул, нажал кнопку на своей телефонной гарнитуре и сказал негромко:

– Ещё здесь? Пригласите.

Спустя секунду открылась дверь, и в кабинет вошли двое: юноша, типичный «ботаник» в очках и обвислом свитере, и пожилая ухоженная женщина, правда, тоже в очках. Они с любопытством на меня через свои очки и посмотрели.

– Наши экстра-класса переводчики, – поднявшись, представил мне вошедших Леонид Мартынович. – Валерий, Валентина Дмитриевна – прошу вас, дорогие, отнесите к моей просьбе, как к заказу государственной важности. Русский текст нужен... – он посмотрел на календарь, – послезавтра, в среду, к пятнадцати часам. – И протянул подбежавшему Валерию рукопись.

Когда мастера перевода ушли, я тоже сделал попытку подняться – но Леонид Мартынович остановил меня нетерпеливым жестом.

– Теперь сюрприз на закуску, – объявил он, вскочив. – Не могу не похвастаться. Вам – первому!..

Он вытащил из нижнего отделения стеллажа нечто про-

долговатое, завёрнутое в брезент и, судя по всему, тяжёловесное. Сбросил брезент и ловким жестом вскинул открывшийся предмет себе на правое плечо.

– Фаустпатрон! Подлинный, немецкий, выпуска 44-го года, – прищуриль глаз, Леонид Мартынович прицелился – не в меня, к счастью, а в окно. – А? Что скажете? Хорош?

– Откуда?

– Со съёмок упёр. Нашего «Дезертира». Вёз в поезде, честно скажу, тряся – как-никак, русско-украинская граница. Вам нравится? Правда – хорош, а?

Надо сказать, что на этот раз продюсер меня не удивил, потому что я знал о его страсти собирать боевые раритеты – ими и заполнены все нижние полки стеллажа.

– Хорош. А зачем он вам?

– А затем! – на лице Леонида Мартыновича светилась искренняя и озорная радость. – Помните, как в том анекдоте – чтобы был!

2

Жена и дочь на даче, пасут внука, в квартире пусто и тихо, и я второй день лежу на диване, читаю, перечитываю, дивлюсь и размышляю. Хотя, собственно, размышлять тут не о чем. И дивиться нечему: мне самому не раз доводилось перелопачивать чужие сценарии – правда, с ведома, официально и полномочно.

На руинах моих «Десяти часов...», как выяснилось по прочтении, мистер Ставински сочинил (или за него сочинили) вот какую историю.

Молодой бизнесмен из Техаса с русскими корнями, по имени Джон Сташински (недолго автор мучился с фамилией героя!) собирается вложить немалые деньги в открытие собственного бизнеса в постперестроечной России. За советом, как лучше это сделать, он заезжает в Лондон к опальному русскому олигарху с недвусмысленной фамилией Осиновский. Тот рекомендует ему связаться в Москве с коллегой-миллионером, которому он всецело доверяет, – Русланом Онегиным.

Но якобы честный Руслан на деле оказывается главарём русской мафии и незаметно опутывает наивного Джона по рукам и ногам, выкачав при этом из него все деньги. Джон этого не замечает: он по уши влюбляется в сестру Руслана Наташу, которая, естественно, о тёмных делах брата ничего не знает и увлечена только старинным русским фольклором. А со временем – и Джоном...

Дальше как-то даже скучно пересказывать: все перипетии подобных сюжетов хорошо известны тем, кто хотя бы иногда смотрит телевизор. Разлюли-малина с пьяными оргиями новых русских под балалайку, погони и перестрелки на фоне Кремля, агенты ФСБ и ФБР – страшный майор по фамилии Гром и очаровательная Джулия без фамилии, совместно раз-

облачающие Руслана с его мафией, момент угрозы ядерной войны, которую в последнюю секунду устраняют два президента, беседа по горячей линии... И, естественно, благополучный финал – потеряв в России деньги, Джон находит нечто несравненно более дорогое – Наташу.

В общем, приписывая мне «оригинальную историю», положенную в основу сюжета, «Мопс» нагло врал. Однако, название и «великий эпизод» были, действительно, позаимствованы из моего сценария.

Вот что было у меня, в моей лирической истории: молодой влюблённый герой провожает куда-то, ненадолго, любимую девушку. И расставание ему столь невыносимо, что останавливается время: все часы вдруг опустевшего без девушки города показывают время отлёта самолёта: десять часов, двенадцать минут. В общем – «опустела без тебя земля...» – я подозреваю, что эта модная в то время песня подсознательно перевоплотилась у меня в кинематографические картинки.

И вот как использовал эпизод мой голливудский коллега: злодею Руслану необходимо срочно переправить в Африку, для жутко террористического режима, партию ракет с ядерными боеголовками. Самолёт с грузом уже готов к отлёту. Но ФСБ и ФБР обложили Руслана и почти наступают на хвост. Что делать? Тут выясняется, что у Руслана в его подпольной научной лаборатории работает юный гений Яшка (так напи-

сано!) Эпстайн, который среди прочего изобретает машину времени.

Но во времени машина ещё не летает. Руслан приставляет пистолет к виску Яшки Эпстайна: «Тогда хотя бы останови время! Всего на час! Сейчас десять часов – даю тебе пятнадцать минут». Юный гений от страха предельно мобилизуется – и останавливает время, даже на три минуты раньше срока. В 10.12. И теперь ничто не мешает самолёту с оружием взлететь, потому что через час, когда время двинется снова, самолёт уже беспрепятственно пересечёт границу.

Тут, правда, возникает вопрос: а почему время остановилось для всех, кроме самолёта и лётчиков – но не будем чрезмерно строги к сценаристу Ставински.

Другой вопрос заставлял размышлять и дивиться: неужели такой известный, успешный и образованный продюсер, как Леонид Мартынович, относится к этому бреду всерьёз и намерен на его основе сотрудничать с «Голден Пикчерис Моббсом»? А если нет – зачем он тогда посвятил в это дело меня, заставил переводчиков экстра-класса заниматься объёмистым переводом?..

Впрочем – подумал я, наконец – зачем размышлять и мучиться, когда можно задать те же вопросы самому Леониду Мартыновичу?

Я позвонил ему на мобильный и сравнительно легко, всего с пятого захода, поймал – в Рио-да-Жанейро. В трубку до-

носились музыка, и голос Леонида Мартыновича звучал возбуждённое обычного.

– Буэна noche! У нас здесь – тотальный карнавал! Наша «Третья стража» бьёт все мыслимые и немыслимые рекорды! Полный атас! Супер! За первую неделю – миллион, и это только благодаря рекламе, а когда заработает их бразильское сарафанное... или точнее: пончо-радио, «Мопс» прогнозирует втрое больше, плюс в проекте заложены сто тысяч дисков, короче...

– Короче, – прервал я поток его восторгов, – я прочитал.

На другом полушарии не сразу поняли, о чём речь: несмотря на умение понимать с полуслова, Леонид Мартынович озадаченно смолк, только музыка звучала.

– Сценарий, – напомнил я. – «Десять часов...»

– А! – снова ожил голос в трубке. – Ну? И как вам?

– Отвечать?

– Не обязательно. Соберёмся, поговорим все вместе. Подозреваю, что вы считаете меня идиотом, но, честное слово, есть несколько продуктивных мыслей, достойных обсуждения.

– Когда? Это чтиво выбило меня из колеи, а ещё нужно править серию.

– Серия?... Выбросьте из головы. Завтра утром нас принимает вице-президент, и я сразу же лечу в Москву. Значит... послезавтра, в три часа дня, на Канале. – Леонид Мартынович, как мне показалось, незримо улыбнулся в трубку и при-

бавил: – За вашим пропуском я прослежу лично!

3

Теперь я должен сделать маленькое отступление от своего рассказа.

Я должен признаться, что все реплики и монологи Леонида Мартыновича я вынужден давать *в сокращённом переводе*. Нет, Леонид Мартынович говорит по-русски, и очень правильно – но речь его страдает, как бы сказать... щедрой избыточностью. Это такая лавина эмоций, ассоциаций, метафор, цитат, иносказаний, восклицаний, учёных терминов и вольных перескоков с одной темы на другую, что новый человек невольно начинает сомневаться в здравости своего ума или слуха. Все слова и даже фразы по отдельности понятны, а в сумме... При первом нашем знакомстве было особенно неловко, когда, произнеся что-то, Леонид Мартынович немедленно требовал от меня реакции: «А? Как? А вы что думаете?»

Видя мои мучения, помощник и правая рука Леонида Мартыновича Тимур (молодой человек с грустными глазами, о нём ещё – впереди) стал потихоньку переводить мне речи шефа: «Не обращайтесь внимания, мы привыкли – это он просто сказал, что из эпизода № 59 хорошо бы убрать реплику: «кого?»»

Со временем и я привык к разговорной манере своего

продюсера и научился вычленять из неё суть. Я мог бы сейчас даже воспроизвести её и в оригинальном звучании – но зачем мучить трудностями перевода бедного читателя?..

Итак, послезавтра в три дня (без задержки получив пропуск), я вновь вошёл в кабинет Леонида Мартыновича.

На этот раз за длинным переговорным столом уже сидело человек десять, и все они, передавая друг другу, рассматривали известный мне фаустпатрон. Они были так вызывающе молоды, подтянуты и крепко сложены, что немедленно хотелось сформировать из них группу захвата. Включая двух женщин – редакторов Галю и Валю, которые тоже выглядели не хило. В момент моего появления патрон дошёл до сидящего тут же в уголочке плечистого шофёра Леонида Мартыновича Дениса, у которого и остался.

Хозяин кабинета выбежал мне навстречу, молча запечатлел крепкое рукопожатие и провёл в начало стола, усадив в кресло напротив своего. На столе, помимо традиционных нарезанных фруктов и чашек с чаем и кофе, я заметил и переведённый сценарий – он лежал перед каждым из присутствующих. Фамилия сценариста Д. Ставински на титульном листе в распечатанных экземплярах, как и прежде, отсутствовала. Зато вместо неё стояла – моя...

– Ну что ж, дорогие друзья мои, – начал, вернувшись на своё место, Леонид Мартынович. – Сегодня наш пароход, который Америка подарила России, или, вернее, наоборот – со-

шёл со стапелей и в ожидании дальнейшего оснащения уже покачивается на воде. Сроки его выхода в кругосветное, я надеюсь, плавание довольно сжаты – поэтому предлагаю активно приступить к обсуждению проекта нашего уважаемого и горячо любимого Александра Михайловича «Десять часов, двенадцать минут».

Все посмотрели на меня, как бы подтверждая, что тоже уважают меня и горячо любят, – а я, в свою очередь, поглядел на Леонида Мартыновича:

– Вы, вероятно, хотели сказать – творения мистера Ставински?

Лицо Леонида Мартыновича излучало любовь и доброжелательность.

– Да, Дуглас, к сожалению, приложил к проекту Александра Михайловича свою шкодливую лапу, но наша с вами задача устранить эту... незадачу – извините невольный каламбур, и привести сценарий в приличный вид, соответствующий уровню нашего Канала. Я что-нибудь сказал не так? – обратился он на меня ясный и твёрдый взор. – А?.. Александр Михайлович?

Я открыл рот, чтобы ответить... и промолчал.

Действительно, всё было сказано – так. И про шкодливую лапу, и про необходимость привести сценарий в приличный вид, соответствующий уровню Канала. Слегка возмутило панибратское «Дуглас» – значит, вот какие они приятели, – но,

в конце концов, это личное дело Леонида Мартыновича. Моя фамилия на титульном листе – понятно: это как бы моральный аванс за будущую работу. Правда, по-прежнему было непонятно, зачем и как приводить в приличный вид стряпню мистера Ставински... И я решил как человек опытный и терпеливый пока молча послушать, что по этому поводу скажет Леонид Мартынович со товарищи. Ведь говорил же он мне из Рио-да-Жанейро о «продуктивных мыслях, достойных обсуждения».

Леонид Мартынович не заставил себя ждать.

– Если будет позволено, я сразу попробую задать нашему разговору перспективную проекцию, – сказал он.

И, не дожидаясь позволения, открыл – но не сценарий, а папку, лежащую на столе рядом с ним.

– Мы обсудили с руководством «Мопса» концепт промоушена нашего фильма, – Леонид Мартынович извлёк из папки небольшой листок (собственно, он и содержался в папке), – и согласились: концепт – взрыв! Строжайшее замалчивание всех этапов продакшена, и в его финале – залп из всех орудий рекламы! Тотальное оглушение зрителя. А? Анатолий Петрович? – обратился он к своему заместителю по финансовой части.

Анатолий Петрович, мне более известный как выдающий гонорары Толя – круглый, сочащийся бодростью и здоровьем румяный колобок – согласно кивнул:

– Этот «залп» офигительно сработал у «Уоррен систерс» на «Воскрешении Олимпика». Я как раз стажировался у них, в две тысячи третьем. Семь лимонов им тогда это стоило, а теперь, с учётом инфляции – будет все десять.

– «Мопс» пойдёт на фифти-фифти, куда им деваться, – отвечал Леонид Мартынович.

– Это, как минимум, шестьсот копий, – сказал, быстро подсчитав на телефонном калькуляторе, старший менеджер Владимир, жилистый крепыш в очках.

– Выбьем восемьсот, – уверенно отозвался Леонид Мартынович.

За столом пронёсся одобрителный шумок.

– Тысячу дадут, – подал голос из своего уголка шофёр Денис, поигрывая фаустпатроном.

– Можно мне? – не выдержал и вмешался я.

– Да! – Леонид Мартынович охотно ко мне повернулся. – Вы считаете эту цифру нереальной?

– Мне позвонить нужно, – поднялся я. – Прошу извинения...

«Позвонить» – здесь заменяло полузапретное «покурить». Я вышел и, пройдя в закуток для чаепитий соседней комнаты, достал свою трубку. Курить не особо хотелось, но следовало унять растущее раздражение и привести в порядок мысли.

За годы работы с Каналом я ко многому привык. Научился понимать язык главного продюсера, приноравливаться к неожиданным скачкам его рассуждений, терпеливо выслушивать то, что к делу, к моей профессиональной повинности, никакого отношения не имело: анекдоты, байки, подробные, в лицах, пересказы неизвестных мне фильмов. Я терпел даже моменты, когда Леонид Мартынович, забыв, кто сидит перед ним (а сидел человек, выпустивший три курса сценаристов во ВГИКе), начинал вдохновенно объяснять мне азы кинодраматургии – про завязку, развязку и кульминацию сюжета и о том, чем сценарий отличается от прозы...

Но чтобы обсуждение сценария – ещё, заметьте, несуществующего, начиналось вот так – с разговоров о способах рекламы и продвижения фильма, в ещё большей степени несуществующего!.. – такого разворота событий ещё не случалось.

А может, и случалось, но я этого не замечал? Может быть, – пыхтел трубкой и думал я, – в рутине текущей работы я непростительно проглядел какие-то прогрессивные сдвиги в организации кинопроизводства? И тесное сближение с «Моббсом», он же «Мопс», а заодно и с «Уоррен Систерс», уже стремительно интегрировало нас в общемировую практику кино, а я, старый дурак, медлительным своим мышлением ещё этого не осознал?..

Но при чём, при чём здесь, скажите, мой написанный тридцать лет назад сценарий «The twelfth...», простите – «Де-

сать часов, двенадцать минут»?..

Когда я вернулся обратно в кабинет, разговор оживлённо продолжался. На секунду я встретился взглядом с грустными глазами Тимура, но он их тут же отвёл.

– ... захват молодёжной аудитории, – говорил тем временем Леонид Мартынович. – В тизерах и постерах – визуальный упор на героя, Наташу и самолёт...

– И в трейлерах, – добавила редактор Валя.

– «Уоррен Систерс» через Интернет круто давил, – сказал колобок Толя. – Я видел, когда там стажировался... Даже на порносайт нельзя было зайти и не наткнуться на «Воскрешение Олимпики».

– Супер! – согласился Леонид Мартынович. – Но надо быть осторожным с поиском дружественных сайтов. На собственном же сайте – в момент «Ч» обрушиваем лавину визуальной и контекстной информации.

– Разрешите? – небрежно приподнял руку человек в галстук, единственный, неизвестный мне, и по тому, как уважительно обратил на него взор Леонид Мартынович, я понял, что это человек важный и нужный.

– Да, да, конечно!

– Необходимо заготовить «взрывпакеты» для раздачи на пресс-конференциях и кинорынках, – человек в галстук говорил, а Леонид Мартынович записывал на своей бумажке. – Содержание «взрывпакета» – обычное в таких случаях. Мой

Центр предоставит вам все необходимые информативы и мониторинги.

Дописав, Леонид Мартынович благодарно кивнул человеку в галстук и обвёл глазами присутствующих: кто ещё? – а мне так и остался непонятным смысл этого устрашающего мероприятия.

– Предлагаю акцию: часы, – сказал менеджер Владимир.

– То есть?

– В день премьеры все городские часы мира показывают постоянно 10 часов 12 минут.

– И кремлёвские? – впервые услышал я голос Тимура.

– И кремлёвские, и Биг Бен, – кивнул Владимир. – Можно договориться... А по радио – звук улетающего самолёта! Периодически, конечно. Оплатим, как рекламные паузы.

– Самолёт! – озарённо воскликнул менеджер Александр, удивительно внешне похожий на старшего менеджера Владимира, только без очков. – Стенди! Трёхмерные модели самолёта в центре главных городов проката!

– В натуре... то-есть в натуральную величину, – прибавил шофёр Денис, а Леонид Мартынович записал и это.

– Мировую премьеру хорошо бы провести одновременно: поставить гигантские экраны на Красной и Дворцовой площади, на Пляс-Пигаль и на Трафальгар-сквер, – предложил уже не помню кто.

– А теглайны – интегрировать в сюжет фильма! – сказал младший менеджер Костя. – На «Третьей страже» это хоро-

шо сработало.

– Флаерсы! – включилась робевшая до сих пор редактор Галя. – В кислотно-молодежных местах раскладываем листовки в форме ядерных боеголовок!

И зря она включилась: Леонид Мартынович на это предложение отрицательно покачал головой. Впрочем, как я заметил, он уже давно что-то тихо говорил в гарнитуру мобильного, и последние слова я даже расслышал: «Иду. Лечу, Лев Эростович» – это было имя генерального директора Канала.

– Ну что ж, – молвил Леонид Мартынович, поднимаясь и вкладывая в папку листочек и сценарий. – Для начала – поработали очень креативно. Главное, что все уловили пафос нашего концепта. Месседж зрителю: «Мы долго держали проект в секрете, чтобы напасть на вас внезапно. И теперь не остановимся, кампания будет агрессивной и непредсказуемой». Призрак фильма обкладывает зрителя со всех сторон, преследует... «как всадник медный на звонкоскачущем коне»! А? Как вам, Александр Михайлович? – взглянул он на меня.

– Я в восхищении, – ответил я.

– А как насчёт текста? Первые двадцать страниц – до приезда героя в Россию? К среде, а?

«Издеваешься»? – хотел отозваться я, но не отозвался.

К этому времени я твёрдо решил игнорировать весь этот

бред – и объясниться с продюсером лично, без свидетелей и по телефону. В эфире телефонной связи – я знал по опыту – Леонид Мартынович становился понятнее, понятливее и лучше слышал оппонента.

4

Вернувшись домой, я обнаружил некоторый беспорядок в квартире и дочь Ольгу, приехавшую с дачи. Впрочем, по её торопливым метаниям и большой сумке с игрушками посреди гостиной, я понял, что явление её – мимолётное, и Саша (это мой зять) заедет за ней и повезёт обратно, когда тоже сделает свои дела. Между нами произошёл такой разговор:

– Привет, тебе не попадался меховой слон, жёлтый? Он ещё трубит.

– Привет, нет. Давно приехала?

– Час... два... Мишка орёт как резаный, требует слона. Я всё обыскала. Тысяча игрушек, а ему жёлтого слона подавай... Ты – от своего сумасшедшего?

– Понимаешь, иногда человеку бывает просто необходим жёлтый слон, что тут поделаешь? Купите ему новый по дороге.

– Здесь таких нет. А ты опять – со своей примиренческой философией? Подумал бы лучше, куда она тебя завела?

Ольга с детства славится прямоотой и максимализмом, неизвестно с каких генов взявшихся. К тому же я заметил,

что дочь занималась не только поисками слона. Распахнутый сценарий из Голливуда лежал на диване.

– Понятно, – сказал я.

– Что тебе понятно? Да, я читала. Эту пакость. До пятой странички, дальше меня стошнило.

– Я этого не писал. Видишь ли, некий Дуглас Ставински...

– Я вижу. Что тебя втраивают в очередную авантюру!

Ни к чему мне был сейчас этот разговор, и я попытался от него уклониться.

– А тебе – не всё равно? За три дня позвонила бы отцу хоть раз.

– Покрутился бы с Мишкой. И потом – тебе мать звонила... Ты же – деградируешь!

Я достал трубку и потянулся за спичками.

– Не груби.

– А ты не дыми при мне. Я грублю, любя! Посмотрись в зеркало – ты стал похож на сытого кота!.. Ну вот скажи, честно скажи, – брезгливый кивок на сценарий, – что они опять от тебя хотят? Ведь они эту гадость не зря тебе подкинули, значит, чего-то хотят?

– Хотят, – признался я. – Но, честно скажу, чего хотят – не понимаю.

– Ага. Ты всегда вначале не понимаешь, а потом... – но тут мобильник в кармане джинсов дочери громко грянул «Прощание славянки», и по разговору я понял, что звонит подъехавший на джипе «Хонда» – моём свадебном подарке – зять

Саша.

– Всё. Бегу. – Ольга подхватила сумку и одарила меня беглым чмоком в щёчку. – И выброси немедленно эту гадость в мусоропровод и скажи своему сумасшедшему...

Не договорив, она безнадёжно махнула рукой, скрылась в прихожей – и хлопнула дверь.

Я сел в кресло и наконец раскурил трубку.

Хорошо тебе говорить, дочь моя: ты не пошла по стезе отца и занимаешься толковым, однозначным делом – промышленным дизайном. А ведь поначалу, в школе, ты, помню, гордилась перед одноклассниками, когда наша фамилия появлялась в титрах. И, видимо, так подняла планку своего мнения обо мне, что всякий мой якобы недостойный меня фильм стал для тебя болью и кошмаром. А статус сценариста всё понижался и понижался в новые времена – по причинам, от нас, сценаристов, не зависящим. Но ты, моя максималистка, не желала понять исторической объективности, считала, что деградирует не всё кино в целом, а персонально я. И никакие призы, звания, ни орден Дружбы на юбилей, ни рейтинги моих сериалов, ни слово «классик», нет-нет, да и звучавшее, – тебя в этом мнении не изменяли.

Я мог бы тебе возразить, сказать, что мой неблагодарный, каторжный труд – это твои безбедные детство и юность, что это – наша огромная квартира в элитном доме, наша дача (кстати, с рождением Мишки ставшая тесной и требующая

расширения), наш автомобильный парк и наши поездки на средиземноморский отдых... но не сказал, и слава богу, что не унизился до такого возражения.

Тем более что ты, в общем, была права... и права сейчас – с этим злополучным, не ко времени попавшим тебе в руки сценарием.

Неправда, что не знаю, чего от меня хотят.

Прекрасно знаю: хотят втравить (верные твои слова!) в совместный проект, покоящийся на руинах моих «Десяти часов, двенадцати минут», хотят заставить, заплатив большие деньги, довести до ума (если это вообще возможно) бредни Д. Ставински – и заработать на этом деньги, несоизмеримые с моими.

И, что самое обидное – они совершенно уверены, что я, хорошо оплачиваемая наёмная рабочая сила, сделаю всё именно так, как ими задумано. Они настолько в этом уверены, что даже разговор начинают с конца – с того, как будут накручивать свои бабки...

Я решительно встал из кресла, отложил курительную и взял телефонную трубку.

На этот раз Леонид Мартынович отозвался всего лишь с третьего захода. Правда, за столь краткое с нашего расставания время он уже успел переместиться в Софию.

– Сижу в таможне, – сообщил он. – Братушки болгары задержали сотню ружей образца 1820 года – для «Дибича За-

балканского». Шьют нам нелегальный экспорт вооружений. А утром съёмка – пять тысяч массовки уже на месте, они тут по триста евро в день каждый стоят. Лев Эрастович поехал объясняться с военным министром... А вы... – тут Леонид Мартынович, кажется, только осознал, кто ему звонит, – Александр Михайлович... что, собственно? Неужели хотите меня порадовать? Порадуйте, очень прошу, в моей горькой юдоли! Двадцать страниц – готовы?

– Боюсь, – отвечал я вежливо, но сухо, – что не порадуя вас, Леонид Мартынович.

– Ну вот, и вы меня убиваете. А сколько? Десять?

– Я хотел серьёзно поговорить с вами.

– Так мы ведь обо всём... Впрочем, конечно, всегда... – но тут слышались какие-то голоса и голос самого Леонида Мартыновича – в отдалении от трубки. Там, похоже, шёл спор.

И настолько долгий, что я успел заново раскурить трубку – для твёрдости духа.

– Да, дорогой мой, но не сейчас, – вернулся голос Леонида Мартыновича, крайне озабоченный. – Тут пахнет международным скандалом, Лев Эрастович связывается с Президентом... Завтра, надеюсь, вернусь и поговорим. Я вам про таможенную расскажу, это ещё тот сюжетец. А?..

Что ж, завтра, так завтра сказал я себе. И я тебе расскажу. Всё расскажу, что о тебе давно уже думаю.

Я пошёл на кухню, достал из холодильника масло и яйца, поставил на плиту сковородку и включил электрочайник. После всех событий сегодняшнего дня ужасно захотелось есть.

Но сделать это сразу не удалось: зазвонил мобильник в кармане.

– Это Катя, помните, помощник менеджера, с Канала. У меня пакет для вас, а я забыла номер квартиры, а ваш вахтёр...

– Толкайте дверь, – подошёл я к домофону и нажал кнопку. – Восьмой этаж.

Всякие пакеты мне носили часто, передача их через порог занимала секунды. Однако какое-то неясное предчувствие заставило меня выключить на кухне плиту и чайник. Предчувствие меня не обмануло – из большого фирменного пакета я извлёк стопку бумаг, на первой страничке которой жирно значилось слово «Договор».

Я вопросительно посмотрел на Катю, робко сидящую на кончике стула.

– Анатолий Петрович сказал... вы так быстро ушли, что он не успел... он просил подписать, чтобы бухгалтерия успела к выплатному дню...

– Так... – молвил я, отчего Катя, хоть к ней это и не относилось, заробела ещё больше и поджала ноги под стул.

...«Десять часов, двенадцать минут»... Полнометражный

сценарий художественного фильма... 120 минут... Сторона, именуемая в дальнейшем Автор – я.

Я заглянул на страничку вторую и на предпоследнюю. Ви-тиеватых рассуждений по поводу прав и обязанностей сторон я давно не читаю: всё равно они никогда не выполняются стороной, именуемой в дальнейшем – Заказчик. На второй странице значился срок исполнения: Автору давался месяц. На предпоследней стояла сумма гонорара, она была приличной, но почему-то еле набросанной тонким карандашом.

– Анатолий Петрович сказал, – пояснила Катя, – что окончательную сумму вы можете поставить сами... по вашему усмотрению... он сказал – ввиду исключительной важности проекта...

– Понятно, – сказал я.

Итак, вы хотите захлопнуть капкан – пожалуйста. Но вы, дорогие мои, не учли, что на ваш капкан у меня имеется свой. И я уже несколько раз успешно применял его – против мелких, но назойливых Студий. Вы большие, но и капкан для вас у меня будет такой, что мало не покажется.

– Хорошо, – сказал я Кате. – Договор я подпишу, и сум-му проставлю. Но передайте Анатолию Петровичу, что она – окончательная и обсуждению не подлежит. Ввиду исключи-тельной моей востребованности на всех студиях страны.

Катя быстро протянула мне заготовленную ручку, я рас-

писался во всех трёх экземплярах и перешёл на предпоследнюю страницу.

Поначалу я хотел увеличить карандашную сумму в пять раз, но подумал, что это будет слишком уж вызывающе, и увеличил в три. Всё равно получался гонорар, немыслимый даже для небедного Канала. При этом в графе «аванс» я обозначил 50 % от общей суммы.

Катя забрала бумаги и убежала, а я, закрыв за ней дверь, проследовал обратно на кухню, приготовил еду и съел.

Затем я сделал следующее: включил компьютер, единым махом, за два часа, выправил последнюю серию и, возвращая с ней последний мой долг, отправил на Канал. После чего налил бокал красного вина.

Я стоял у окна, пил вино и глядел с высоты на неслышный за тройными стеклопакетами сплошной железный поток машин. Мне было легко и весело, и стало даже интересно жить. Я чувствовал боевой азарт троянца в осаждённой, но неприступной Трое.

Тогда я не знал ещё, что коварный конь ахейцев уже сделал свой ход и незримо поселился в моей крепости.

5

На следующее утро ко мне явился лично сам Анатолий Петрович – с деньгами.

Их было ровно пятьдесят процентов от казавшейся мне запредельной суммы. Толя вывалил из пластикового пакета множество нераспечатанных розовых пачек по 5 тысяч рублей, и они живописно рассыпались на столе.

Затем Толя порылся в кейсе и вытащил мой экземпляр договора – со всеми подписями, визами и печатями.

– Пересчитывать будем? – и вслед за договором достал машинку для пересчитывания денег с электрическим шнуром. – Куда тут можно включить?

– Не будем ни включать, ни пересчитывать... пока, – сказал я, собравшись наконец с мыслями. – Пока вы, Толя, не сядете и вразумительно не объясните, что всё это значит.

Толя сел, но казался удивлённым не меньше меня.

– А что значит? Значит, что Лев Эрастович подписал вашу сумму без звука. Я лично всегда считал, что мы мало платим авторам. Вот когда я стажировался на «Уоррен Систерс»...

– Я не об этом, – перебил я, раскуривая трубку, хотя обычно не курю с утра. – Мы ещё ни слова ни говорили о сценарии... У меня никто не спросил даже, согласен ли я его переделывать!..

– Не понимаю, – сказал Толя. – Вы же подписали договор?

– Да, но... – начал я и осёкся.

Действительно, что – «но»? Подписал. И хлопнул капкан – только не твой. Думал оборониться заломленной суммой? Так это для тебя она запредельна. А представить себе, на что

способен Канал, когда ему что-то очень нужно, – тут твой опыт устарел...

И даже дьявольская мысль: дурак, что не в пять раз увеличил сумму, – вдруг искушающее мелькнула у меня в голове.

Меж тем Толя посматривал на часы и томился.

– Извините, Александр Михайлович, мне ехать нужно. – Я молчал, и он встал, и ободряющей улыбкой просияла его румяная физиономия. – Не берите лишнего в голову, всё будет – супер!

Он исчез так же стремительно, как явился. Пачки денег лежали на столе. И мне показалось вдруг, что, беспорядочно рассыпанные поначалу, они теперь подобрались и перестроились в колонны, готовые к бою. Как воины, высыпавшие некогда из троянского коня.

И что было делать?.. А что бы сделали вы на моём месте, дорогой читатель? Побежали бы за Толей, который всё равно уже уехал?.. Поехали бы вдогонку за ним на Канал и устроили скандальную сцену с бросанием денег в физиономию (в чью?) Не думаю, чтобы вы так поступили.

Я думаю, вы, скорее всего, сделали бы, как я. Вы сложили бы розовые пачки обратно в пластиковый мешок и спрятали бы их как можно дальше с глаз, в первую очередь – с собственных. Чтобы они своим присутствием не мешали таить в себе последнюю надежду. Может быть, совсем слабую, но всё же надежду, что капкан захлопнулся ещё не до конца, и

что всё как-нибудь ещё разрешится и устроится – мирным и взаимным согласием сторон...

6

Леонид Мартынович позвонил мне совсем поздно вечером, уже из Москвы, поведал в живописных подробностях, чем завершилась история с ружьями для блокбастера «Дибич Забалканский» (её я опускаю), и сообщил, что горит желанием меня увидеть.

– Я тоже горю, – сказал я.

– Отлично! – сказал Леонид Мартынович и назначил встречу на три часа завтрашнего дня.

О шестом варианте последней серии он ничего не сказал, из чего я понял, что он её не получал, не читал и что вообще она его больше не интересует.

В три часа завтрашнего дня (это была, как сейчас помню, пятница) я ещё стоял в пробке примерно в километре от Телецентра, прибавьте к этому вечный поиск парковки – и поймёте, что до кабинета Леонида Мартыновича я добрался минут на сорок позже назначенного срока.

И в приёмной меня на ещё на минуту задержала секретарша.

– Вы не могли бы по и-мэйлу переслать своё фото? Желательно цветное и с хорошим разрешением?.. Если у вас нет

– мы пришлём фотографа.

– Зачем?

– «Мопсу» срочно требуется, для вашего резюме.

В кабинете за переговорным столом на этот раз народу сидело значительно меньше, чем в прошлый раз: редакторши Галя и Валя, Тимур, по обычаю посмотревший на меня грустными глазами, и сам Леонид Мартынович, живо рассказывавший собравшимся известную мне историю с ружьями. Был здесь ещё и незнакомый мне толстый рыжий бородач в легкомысленной майке. Не прерывая рассказа, Леонид Мартынович выскочил из-за стола, крепко пожал мне руку и досказал свою таможенную эпопею с новыми, леденящими кровь подробностями (которые я опять опускаю). На столе стояли тарелки с нарезанными – на этот раз – киви и ананасами.

– А? – кивнул Леонид Мартынович на угощение, но поскольку я покачал головой, тут же переключился (как мне тогда показалось) на дело. – Мы только вас ждали: у меня для вас приятный сюрприз!

Далее, ничего не объясняя, он направил один из пультов на большой плазменный экран, и на нём засветилось синее небо в золотых звёздах – фирменная марка Канала. Светилось оно довольно долго.

– Терпение, – сказал Леонид Мартынович. – Смотрим все, очень внимательно.

Спустя несколько секунд одна из звёзд стала надвигаться на нас, плавно трансформируясь в летящий пассажирский лайнер. Лайнер взмыл вверх, показав своё брюхо, а в прорванном им небесном пространстве стали набегать панорамы городов: Нью-Йорк – со стремительным приближением к уличным часам на Бродвее... Лондон с Биг Беном... Спаская башня с курантами... И все часы, как и вы уже догадались, показывали...

«ДЕСЯТЬ ЧАСОВ, ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ», что и подтвердила эта, тоже надвинувшаяся из глубины надпись, продублированная ниже более мелким шрифтом: «The Twelfth Minutes after Ten». Затем наступило затемнение.

– Супер! – восторженно вырвалось у редактора Гали, но она тут же с опаской посмотрела на Леонида Мартыновича.

– Компьютерщики за ночь сделали, – съев ананасинку, объяснил Леонид Мартынович. – По-моему, как первый вариант шапки можно принять за базовую основу. Я уже переслал файл «Мопсу». А? – обратился он ко мне. – Как вам?

– А что дальше?.. – отозвался я и сам удивился, что могу говорить таким тоскливым и замороженным голосом.

– Дальше, я думаю, титры продолжатся на игровом фоне – автор, режиссёр, продюсер...

– Я имею в виду – что дальше будет со сценарием?

– А разве Анатолий Петрович у вас не был?

– Был... Я – о содержании.

– А! Справедливый вопрос, – тотчас согласился Леонид

Мартынович. — Я ночью размышлял о нашем вчерашнем разговоре на эту тему... (каком разговоре? — подумал я) ...и вполне согласен с вами — сценарий отструктурирован не совсем корректно... (когда я это говорил?)... и посему его, действительно, нужно серьёзно переструктурировать. На этот счёт есть мысли. Я уже излагал их Тимуру Ильичу, он согласен. Да?

Я посмотрел на Тимура, он что-то хмыкнул в ответ утвердительное, но вдруг закашлялся и отвёл от меня глаза.

Меж тем Леонид Мартынович уже ловко приклеивал к стеллажу кусочками скотча большой ватманский лист, на котором был аккуратно изображён круг, поделённый на три сектора. По окружности круга были разбросаны звёздочки, похожие на фирменные звёздочки Канала.

— Очень удобная система, — объяснил мне Леонид Мартынович и взял со стола толстый маркёр. — Круг Фиглера — Вуйчека. Сейчас с его помощью мы выявим в сценарии все слабые места и пробелы.

Любовь Леонида Мартыновича к графическим построениям, унаследованная со времён мехмата и физтеха, мне была хорошо известна, раньше она вызывала лишь внутреннюю беззлобную улыбку. Но теперь, очевидно, мой продюсер выходил на новые рубежи.

Внимательный читатель, вероятно, помнит таинственного Евтихиана Михеева, на которого всегда ссылался неза-

бвенный Антон Ионыч Щегол. Так вот, тогда я из принципа разыскал и прочитал в Ленинской библиотеке тоненькую книжечку этого теоретика киносценарии, изданную в 20-е годы: «Ваяем кино». Ничего нового она мне, к моему разочарованию, не открыла – как не открыли и прочитанные позже из любопытства всяческие учебники по сценарному делу. Потому что я быстро успел убедиться – ремесло постигается только практикой.

И тем более было удивительно, что мой продюсер, так давно практикующий в кино, столь легковверен ко всяческим теориям.

Может, потому, что теория, собственно, и была его практикой?..

– ...Как доказали исследования этих учёных, – говорил меж тем Леонид Мартынович, – путь героя в любом сценарии делится на три акта. Мы с вами находимся в исходной нулевой точке, – и он пометил маркером звёздочку вверху круга. – Герой – в своём Привычном Мире. Но вот он слышит «Клич»... – тут была помечена первая, если считать справа налево, звёздочка, – и Клич подвигает его к началу путешествия в сюжете. Это, по нашему сценарию – желание Джона...

фамилию Александр Михайлович нам, конечно, переделает, да?.. поехать в Россию. Пока всё – о-кей. Далее, по системе, следует «Отказ от Клича», – и у следующей звёздочки

Леонид Мартынович поставил вопросительный знак. – Но в сценарии у героя нет никаких сомнений и колебаний. Как это оценивает уважаемая аудитория? – обратился он ко всем.

Я молчал. Рыжий бородач заворочался на стуле.

– Насколько я проштудировал догматы Фиглера – Вуйчека, – произнёс он хрипловатым баском, – они вроде как бы на «отказе» не особо настаивают... И потом – чего ему колебаться: из России пахнет бабками, вот он и едет.

Леонид Мартынович, ухватив подбородок, задумался над этой мыслью, но, вдруг спохватившись, запоздало представил мне бородача:

– Егор Петрович. Наша финансовая поддержка и надежда. Зря не скажет! А вы как думаете, Александр Михайлович?

– Я пока слушаю, – ответил я, а что я мог ещё сказать?

– Конечно, гораздо важнее следующий пойнт, – поставил новую галочку Леонид Мартынович. – «Встреча с Гуру». Гуру вселяет уверенность, даёт мудрые советы и магические дары для преодоления страхов и опасений Героя.

– Осиновский! – хлопнув ладошками, в один голос воскликнули редактора Галя и Валя.

– Совершенно верно, – согласился Леонид Мартынович. – В своём офисе в Лондоне.

– Только фамилия у «Гуру» слишком прозрачная, – сказал, почесав бороду, финансист Егор.

– Ну, имена-фамилии, полагаю, Александр Михайлович нам все переделает. Руслана Онегина, Яшку Эпстайна... Да

и – Наташу заодно.

– Наташу не уберу, – сказал я твёрдо и, кажется, злобно.

Леонид Мартынович посмотрел на меня с удивлением.

– Для совместных постановок – сильно примелькавшееся имя.

– Зато – из того... моего сценария. Немногое, что от него сохранилось.

– Мне тоже нравится, – неожиданно поддержал меня финансист Егор. – У меня дочка – Наташка. Осенью в школу пойдёт.

Леонид Мартынович помолчал, чуть пожал плечами, что значило: ну, как хотите – и поставил галочку у черты, напололам по горизонтали пересекающей круг.

– «Точка невозврата»! – объявил он. – Герой отзывается на Клич и переходит Порог, за которым – Непривычный Мир. Ну, тут в сценарии всё более-менее в порядке, – Леонид Мартынович отметил галочками ещё тройку звёздочек. – Герой проходит через «Испытания» и в конце первого акта оказывается... – он поставил восклицательный знак внизу круга, – ...у входа в «Тёмный Грот».

Я почувствовал, что у меня снова сводит скулы – верный признак готовности взорваться... или хотя бы выйти «позвонить».

– Насколько я помню, там нет никакого грота.

– Грот – это аллегорически, – доброжелательно объяснил мне финансист Егор. – Если я правильно проштудировал

догматы – это место, где хранится «Корень Мандрагоры»... ну, как бы награда за все испытания. Только я тут тоже не очень понимаю, – обратился он к Леониду Мартыновичу, – награда у нас – что? Наташа или бабки? Но на бабки его уже развели, а Наташу он получит только в конце. И вообще там дальше – про самолёт, про этого пахана и про Яшку, как бы, Эпштейна, а герой вообще куда-то линяет. Тогда, по логике, на черта ему Мандрагора?..

Всё больше мне нравился бородач Егор, ещё и потому, что, как я заметил, давно уже нетерпеливо вертел в руках папиросу.

– Без Мандрагоры нет структуры, – строго пояснил Леонид Мартынович. – А про Героя я сам только что хотел сказать: в «Главном Аттракцион» с самолётом и временем Герой действительно не участвует, и это катастрофический провал сюжета. Без участия Героя вообще вся структура рушится, – он провёл рукой по не отмеченным ещё звёздочкам. – Где «Обратный путь»?..

– Нет Обратного Пути, – скорбно кивнула редактор Валя.

– Где «Пляски смерти», из которых Герой выходит преобразенным? И где, наконец, «Возвращение в Привычный Мир» с добытой Мандрагорой? – тут Леонид Мартынович, совершенно огорчённый и даже обиженный, посмотрел почему-то на меня, заметил (как и я сам), что я тоже верчу в руках машинально вынутую трубку и вздохнул. – Вы, наверное, хотите позвонить?

– И я тоже, – тотчас отозвался Егор, и мы вместе с ним, провожаемые взглядом Тимура, вышли и проследовали в курительный (он же чайный) уголок соседней комнаты.

Тут я обнаружил, что, помимо легкомысленной маечки, финансист носит что-то вроде «вьетнамок» на босу ногу и курит папиросы «Беломор», о которых я думал, что они уже давно вышли из употребления.

Жадно затягиваясь папиросой, Егор некоторое время испытующе на меня глядел.

– Нет, ну наверное, и в догмах должен быть свой смысл, – сказал он, правильно угадав мои думы. – Не глупые же люди составляли эти методики... Я, правда, в кино человек новый, но ученик прилежный. Леонид дал мне книгу, я её проштудировал. Приложил систему к вашему сценарию. Но, понимаете, вот какая вещь получается... По-моему, в нём, даже с точки зрения Фиглера – Вуйчека, всё и так уже нормально!

– Кроме одного, – сказал я. – Я его не писал.

– Интересное кино, – Егор коротко хохотнул. – А кто?

В нескольких словах я поведал ему историю, о которой уже знает читатель. Егор выглядел озадаченным и прикурил от первой вторую папиросу.

Я улыбнулся.

– Не будете больше финансировать проект?

– Я?... да нет, тут всё не так просто... – и он забормотал что-то невнятное, из чего я заключил, что финансирует не

совсем он, но выполняет какую-то посредническую, но тем не менее крайне важную функцию.

– Ну... пошли? – выбив трубку, сказал я, чтобы дальше не углубляться в эту щекотливую тему.

Егор, быстро затянувшись пару раз, с сожалением загасил едва начатую папиросу, и мы направились обратно в кабинет Леонида Мартыновича.

Но Леонида Мартыновича в кабинете не было. И никого не было – даже плаката с магическим кругом Фиглера – Вуйчека не было на стеллаже, он исчез, как сон. Впрочем, если бы мне объяснили сейчас, что всё, здесь сегодня происходившее, было только дурным сном – ах, с какой охотой я бы в это поверил...

Однако откуда-то набежавшая секретарша прояснила реальность: Леонида Мартыновича срочно вызвал Лев Эрастович, и они уже в дороге на аэродром, чтобы вылететь в Лос-Анджелес. Леонид Мартынович очень извиняется и просит Александра Михайловича прибыть к нему в среду, к восьми вечера, с первыми двадцатью страницами сценария.

Куда улетучились остальные, мне объяснять было не нужно.

– М-да, с трудом въезжаешь в вашу киношную жизнь! – Егор хохотнул и посмотрел на часы. – Жрать ужасно хочется. Не хотите пообедать?

«И выпить», – требовательно произнесло во мне измучен-

ное подсознание, но этот сигнал я во внешний мир не передал.

– С удовольствием, – сказал я.

– Про фото для «Мопса» не забудьте! – напомнила мне вслед секретарша.

Мы пошли по коридору к лифтам, и тут я обнаружил, что Тимур вовсе не улетучился, а прохаживался возле лифтов и как будто поджидал нас.

– Господа, вы пообедать не хотите? – услышал я его голос, так редко дающий о себе знать. И обычной печали не обнаружил в его глазах.

– Полное совпадение интересов! – отвечал Егор, и мы отправились обедать.

7

Обедали мы, по предложению Егора, в его любимом ресторане «Гумно». Ничего особо сельского в оформлении этого ресторана не было – разве что живая коза сыпала орешки в крошечном загоне при входе, и там же, в крошечном как бы пруду плавали две утки. Но кормили здесь, надо отдать должное Егору, вкусно.

Моё предложение выпить не встретило поддержки: Тимур не пил вообще, Егор не пил за рулём. Я тоже был за рулём, но не пил без компании – так что обед прошёл без возлияний. И, может быть, по этой причине не оправдал моих надежд,

что раскрепостятся языки, и мне вдруг откроется что-то, до чего не мог дойти мой ум в загадочной истории со сценарием.

Однако Егор (может быть, в присутствии Тимура?) нагло-хо закрылся от этой темы и, весело похохатывая, рассказывал о том, как на заре своей финансовой карьеры торговал русскими лаптями и галошами в Буэнос-Айресе и сколотил на этом стартовый капитал. И Тимур молчал про главное, хотя и рассказал несколько забавных историй из своей юности, которая, как я понял, почему-то прошла в Бурятии, среди ламаистов и шаманистов.

Но вот что я заметил трезвым взглядом: если Егор травил свои байки охотно и от души – Тимур как будто отбывал повинность, заполнял, подобно ковёрному, паузу. Отсмеявшись вместе со всеми, он вдруг становился серьёзным, и в его взглядах, которые он нет-нет да и бросал на меня, я, как мне показалось, читал: подожди и потерпи, главное – впереди.

Так и оказалось.

Когда Егор (несколько хмуро) расплатился за всех и уехал на своём крутом, но побитом и грязноватом «Лексусе», я предложил Тимуру, который приехал сюда на Егоре, подвезти его. И он согласился без малейших возражений, как будто специально ради этого отправился с нами обедать.

– Вам куда? – спросил я, когда мы усадились и тронулись.

– Куда же ещё – обратно на Канал, – отвечал он. – Лев Эрастович увёз Лёню... Леонида Мартыновича, – быстро поправился он. – А в плане ещё встречи по другим проектам – в семь, в восемь и в одиннадцать. Но ещё есть время... Я всё время наблюдаю за вами, Александр Михайлович, и вижу, что вы неуютно себя чувствуете в этой истории.

– А как бы вы себя чувствовали? Трагически чувствую и плачевно. Может быть, это опять – трудности перевода?.. Может, он говорит одно, а я понимаю другое? В своё время вы мне так хорошо переводили его речи...

– Да нет, он говорит ровно то, что вы слышите, – сказал Тимур. – Но история, я искренне соглашусь с вами, неординарная...

– Я всё понимаю, – перебил я его, радуясь возможности высказаться человеку, который со мной искреннее соглашается. – Понимаю, что – «Мопс», понимаю, что предложениями о такой совместной продукции не бросаются, понимаю, что влип в это дело игрой случая... Понимаю нежную любовь Леонида Мартыновича к теоретическим построениям, ко всяким «гrotам» и «мандрагорам», «кругам Фиглера»... Евтихиану Михееву...

– Кому?

– Нет... это я так.

– «Круги» скоро исчезнут, – сказал Тимур. – Лёня увлекающийся человек, но, уверяю вас, он искренне хочет – как

лучше. В меру своих способностей.

– И это я понимаю... злюсь, но – понимаю! Я не понимаю только одного: как мне писать... или переписывать – всё равно – сценарий, от которого меня воротит! Он вам нравится?

– Бред. Но вы ведь и похуже сценарии переписывали, – сочувственно напомнил Тимур.

– Те – другое дело, те были совсем чужими, а этот... Его уже почему-то упорно считают моим! И претензии почему-то предъявляют мне, а не мистеру Ставински! а мне и слова не дают сказать...

Тут мне пришлось на время прервать свою речь, чтобы успеть, лавируя в пробке, повернуть под стрелку на проспект Мира.

– Слова вам не дают сказать, потому что знают, что вы скажете. И в душе, поверьте мне, с вами согласны. Но вы ошибаетесь, когда говорите, что понимаете – «почему Мопс». Дело не в амбициях Канала.

– А в чём?

– Если вы дадите слово, что всё останется между нами... – тихо сказал Тимур и даже оглянулся на заднее сиденье машины.

– Даю!

Но Тимур всё же помедлил, а потом начал довольно изда- лека.

– Вы знаете, Александр Михайлович, как я, без дураков, уважаю вас... Я ведь воспитывался на ваших картинах.

Мальчишкой раз десять бегал на ваши «Танцы у юрты под луной» – как и все тогда в Бурятии. В нашем логове – вы редкий человек, с вашей интеллигентностью, мягкостью... талантом...

– Спасибо. Но в чём же всё-таки дело с «Мопсом»?!

– Осторожнее, вы гоните... а тут – шестьдесят, а у моста всегда мент.

На спидометре у меня было нервные девяносто. Я сбавил газ и снова уставился на Тимура.

– Дело в том, что с успехом нашей «Третьей стражи» в мировом прокате не всё так однозначно... Я выдаю вам страшную коммерческую тайну, её знают только Лев Эрастович, Лёня, я – и теперь вы.

– Да, да!

– Если совсем честно – успеха никакого, «Стража» провалилась. Лев Эрастович на коленях умолял лично директора компании покрыть этот провал – в счёт любых дальнейших уступок. Короче, мы задолжали «Мопсу» двадцать миллионов. И тут появился Дуглас Ставински, ближайший друг директора, с его... бывшим вашим сценарием. И уговорил его, Дуг это умеет, что совместная постановка, с исключительным правом «Мопса» на прокат фильма, покроет большую часть долга. Мы ухватились за этот шанс, оттого так и мельтешимся с подготовкой рекламы... Я не стану утомлять вас финансовыми подробностями, – прибавил Тимур, не усмотрев на моём лице адекватного понимания этих сложных пе-

рипетий. – Но факт в том, что без «Десяти часов, двенадцать минут» мы – банкроты. А «Десять часов» не могут состояться без вас. Потому что в генеральном договоре с «Мопсом» вы значитесь как правообладатель «ориджинал стори» и автор с российской стороны. И договор подписан.

Тимур замолчал, и до меня наконец что-то дошло. Вернее, не что-то, а всё – капкан на меня оказался двойным... И телебашня, подсвеченная огнями, появилась за последним сделанным мною поворотом.

– Так что же?.. «Точка невозврата»?

Тимур смотрел на меня с сочувствием и состраданием, но твёрдо, как рок. И мелькнула мысль, уж не особое ли, тайное задание он выполнял в этом как бы случайном рейсе. И это его фамильярное – «Дуг»...

– Но вы ведь справитесь, Александр Михайлович! Вы всегда выручали Канал в трудные минуты. Недаром Лёня называет вас волшебником. А я постараюсь оградить вас от всей этой хренотени с мандрагорами, буду как бы мягкой прокладкой между вами и Лёней...

– А Лёня... Леонид Мартынович – значит, он так ловко прикидывался, раскрашивая перед всеми радужные перспективы?

– Он несчастный человек. Старается верить, даже когда верить не во что... Спасёте нас, сотворите чудо?.. А? – произнёс Тимур это конечное «А» в точности с интонацией Леонида Мартыновича.

И мы расстались, а я вернулся домой.

Квартира в сумерках показалась мне особенно пустынной и безгласной, а я себе – как никогда одиноким.

Впрочем нет, зазвонил городской телефон. Голос жены.

– Наконец-то. Мне стало просто интересно – когда же тебя можно застать дома? Оля утверждает, что ты работаешь день и ночь, а ты, оказывается... Подожди... Мишка опять орёт. Кстати, ты подумываешь о том, что у нас на даче стало тесно?.. Всё, бегу к ребёнку, извини, пока.

Ах Наташка, Наталья... Ты всё такая же, не изменилась за тридцать лет.

В кабинете на столе стоял и гонял звёздочки по тёмному экрану включённый ноутбук. Я сел за стол. Чуть повёл «мышкой», засветился фон, и портрет дочери Ольги, тогда ещё семилетней Ольгуньки, лукаво глянул на меня. Я закрыл его, перейдя в «Ворд».

Новый документ. Белая страница.

Повинуясь рабочему рефлексу, руки сами легли на клавиши.

Мысли мои были далеки от того, что в это время механически впечатывали в экран пальцы. За окном взвыла сирена – не то милиции, не то скорой помощи.

Совершив возвращение в Привычный Мир, я увидел на экране строки:

«НАТУРА. УЛИЦЫ. ДЕНЬ.

В Лондоне дождливая погода...»

И – уже осознанно – стёр вторую строчку и написал:
«В Лондоне стоит ясная погода, и ярко светит солнце...».

—

Вторую часть автор – инкогнито или забыл прикрепить к письму, или она вообще не была им написана. А может – такое имеется у меня подозрение – автор приберёт вторую часть для следующей посылки. Во всяком случае, сегодня у меня её нет. Есть у меня только маленький постскрипtum к письму под отсутствующей подписью. Я не стал помещать его в начале, так как он мог предвосхитить восприятие повести читателем. Но теперь можно дать автору высказаться до конца:

«P.S.

Сказать честно, я полагал, что сумею отстраниться от своих болей, бед и обид и напишу весёлую и смешную повесть. Но как я ни старался, вышло невесело и не смешно – реальность перевесила и отяготила замысел. Так что – не взыщите».

Не взыщу. Потому что – хоть мне и посчастливилось не бывать в подобных ситуациях и не встречать людей, опи-

санных автором, – я тем не менее хорошо его понимаю.

Приложение

Возвращённая рукопись

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ, ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ

Снова обращаюсь к читателю.

Не праздными оказались мои догадки, что анонимный автор «Двух маленьких повестей про кино» (имя и фамилию его, впрочем, я давно уже вычислил) снова как-то проявится. Так оно и случилось.

Совсем недавно я опять получил от него письмо по электронной почте:

«Уважаемый Владимир Иванович!

Не взъيщите, что докучаю Вам своими посылками – но случившееся было столь неожиданно для меня, что, я уверен, оно будет и Вам интересно.

По заглавию Вы можете подумать, что давний пропавший сценарий, вокруг которого навертелось столько событий, вдруг нашёлся. Но это так и не совсем так.

Я надеялся, что при встрече с мистером Ставински (она

состоялась в Голливуде) увижу наконец свои «Десять часов, двенадцать минут» в изначальном, тридцатилетней давности виде. Но Дуглас был очень любезен и гостеприимен, расхваливал написанный мною по его дурацкой идее новый вариант (не менее дурацкий) «Десяти часов, двенадцати минут», однако от моих просьб показать мне моё давнее творение, случайно найденное им в Камеруне, как-то всё загадочно уклонялся.

Ссылался на архивы студии «Голден Пикчерис Моббс», куда якобы трудно прорваться, одним словом, крутил и врал. Почему врал – мне до сих пор непонятно, но, вероятно, за этим стояли весомые причины, во всяком случае, в Москву я вернулся без сценария.

Зато здесь меня ждало большое облегчение: выяснилось окончательно, что новые «Десять часов, двенадцать минут» сниматься не будут, а свои финансовые отношения Канал и «Мопс» решили каким-то другим образом.

Дорогое мне название осталось девственно чистым, а я избежал неприятного позора. Это меня так обрадовало, что к факту очередной пропажи я отнёсся философски, вспомнив при этом стихи Гены Шпаликова: «...никогда не возвращайся в старые места». Действительно, всему, наверное, есть своё место и своё время. И пусть сценарий остаётся там, где ему и положено быть: в воспоминаниях молодости.

Но, видимо, не суждено ему было это. Он нашёлся! Прав-

да, не в своём оригинальном виде, а в виде повести, которая была написана мною несколько раньше, когда я ещё жил в Ленинграде, и о существовании которой я, честно говоря, забыл, когда начались столь бурные приключения с её кинематографической версией.

Повесть нашлась у моего школьного друга Саввы – помните такого по «Великому эпизоду»? Савва был единственным читателем моих первых литературных проб. Нашлась она при печальных обстоятельствах. Мой друг умер, и, разбирая бумаги, жена его Галя отыскала грязный, весь исчерканный экземпляр черновика повести (беловик я изрезал для экранизации). Повесть тоже называлась «Десять часов, двенадцать минут» и, как я теперь понимаю, мало чем отличалась по сюжету, персонажам, атмосфере и миллой (мне кажется) наивности от сценария. Вернее, сценарий мало чем отличался от повести: неопытный экранизатор отнёсся к ней весьма бережно.

Так что, как видите, неожиданным образом и в неожиданном виде «Десять часов, двенадцать минут» нашли наконец своего автора.

Вот этим открытием я и решил поделиться с Вами. И Вам, дорогому моему издателю, вновь предоставляю право распорядиться моей находкой, как Вы сочтёте нужным.

Мне лично кажется (это совершенно не обязательно!), что, имея теперь на руках первоисточник долгих мытарств с моим первым сценарием, Вы могли бы опубликовать его

как приложение к двум повестям – и вместе со мной поставить в этой «эпопее» точку.

Сердечно Ваш...

Что ж, дорогой мой корреспондент и терпеливые наши читатели – точку так точку.

«Опустела без тебя земля...»

(Слова из песни)

1

Покачиваясь, самолет уходил к взлетной полосе. Туман размывал его все сильнее – в это утро был туман, и самолеты не прилетали, а только улетали. Потом самолетный силуэт пропал, и виднелось, вернее, мерещилось только что-то серое и большое, а может и совсем игрушечное – потому что туман смещал расстояния.

Провожающие стояли за оградой и смотрели, хотя смотреть было уже не на что. И я стоял и смотрел. Наискосок через влажное поле деловито пробежал куций оранжевый автомобильчик.

И вдруг уши резанул внезапный грохот – и совсем рядом, как страшная рыба в мутной воде, тяжелое полуразличимое нечто полого прочертило туман и скрылось в тумане. И все

кончилось так же разом, и снова стало тихо.

Люди постояли еще немного и стали расходиться.

Ты смотрела вниз, ничего не видела, кроме белого молока, и прислушивалась к мотору. Мотор ревел надсадно, но трудолюбиво, и это успокаивало. Ты всегда боялась взлета и посадки... Потом ты вздрогнула: что-то блеснуло за окошками – и повернулась к соседу. Сосед грыз леденец.

– Ага, – сказал он. – Вот и солнышко.

Если бы ты могла видеть самолет со стороны, то в эту минуту увидела бы, как мокрая темная громадина вдруг посветлела, засеребрилась и неподвижно повисла над облаками – словно для просушки.

А на земле все еще был туман.

Я ехал в такси по раскопанному району новостроек Купчина. Утро было не раннее, и удивительно было, что бездействуют краны – тем более, что на стреле каждого висело по панели, и все они были занесены над домами. Рабочих тоже не было видно. В луже посреди дороги стоял брошенный самосвал с песком. Проползло за окнами еврейское кладбище, ошетилившееся наклонным частоколом надгробий. У ворот покачивался, опершись на палку, старик-сторож, и глаза его были закрыты – он не то молился, не то дремал, поджидая посетителей. Но вокруг никого не было.

Потом пошли уже вполне городские улицы, но и они были пусты стерильной пустотой больничных коридоров. И вдруг

исчезло и такси, исчез и шофер, и лишь запах бензинового выхлопа секунду напоминал о том, что они только что были. Я стоял посреди мостовой, и я был один.

Все часы показывали десять часов, двенадцать минут.

Над Ивановской, над улицей Седова, над всеми домами, палатками и деревьями висела чуткая и как бы предрассветная тишина. Стук каблуков несясь вперед, ударялся о стены, откатывался назад. А когда я останавливался – снова наступало мертвое безмолвие, от которого шумело в ушах. Но прислушавшись, я понял, что это не простой шум: это был едва слышный гул отлетающего самолета. Он тоже застыл над Ленинградом – ровно в двенадцать минут одиннадцатого.

И я понял, что произошло: это опустел без тебя город.

2

– Видимому, вас интересует, какая вышла петрушка?.. – спросил меня кто-то сзади.

Старик-еврей приближался ко мне, переходя улицу. Как он успел появиться здесь – в другое время показалось бы странным, но сейчас было совсем другое время.

– Я догадался, – сказал я.

– Но вы не знаете всего, – сказал старик. – Видимо, вам кажется, что все это – прихоть природы? Нет, молодой человек, послушайте, что я вам скажу. Это дело стоит на солид-

ной ноге, есть специальное постановление Ленсовета. Отменены троллейбусы, автобусы и такси. Отменены магазины и прачечные. Утро и вечер отменены тоже. Вы обратите внимание на освещение. Где ваша тень? Нету. Теперь все будет одним цветом. Какая была вчера эта палатка?

Она была ярко-красная, я помнил это.

– Теперь все будет серое, – сказал старик. – Не так красиво, но постановление есть постановление. Кстати, белые ночи отменены тоже.

– А люди?

Старик махнул рукой.

– Послушайте, а куда они денутся? Сидят себе дома. Но им нельзя выйти и нельзя зажечь огня.

Старик печально покивал, достал большой серый платок и высморкался.

– А вы – кто? – спросил я.

– Я? Я сторож. При всяком хозяйстве должен быть сторож. Все-таки довольно большой город. К тому же есть еще канализация, ее уж никак не отменишь, иначе людям будет совсем плохо.

Он посмотрел на меня и вдруг спросил:

– Вы играете в шахматы?

– Нет.

– Жаль. Так будет совсем скучно... Слушайте, тогда хотя бы не уходите домой. Пройдемтесь, и я вам что-то покажу. Мы свернули за угол. Двери кафе-молочной были откры-

ты настешь, и чувствовалось, что на кухне давно уже пригорел омлет.

На перекрестке стоял милиционер – он стоял неподвижно и указывал палочкой в пространство улицы.

– Это? – кивнул я на милиционера.

– Я имел в виду не это. Но это тоже интересно. Вы можете подойти и постучать по нему – рекомендую.

Я подошел и тронул милиционера за руку, и она отозвалась глухим металлическим звоном.

– Алюминий, – с гордостью сказал старик.

– Зачем?..

– Вы хотите, чтобы он был живой? – удивился старик. – Я хочу посмотреть, как вы постоите на его месте.

– Но зачем вообще милиционер? Есть же вы.

– Я – это я, – сказал мой провожатый. – А он – это символ порядка. Вы лучше обратите внимание, куда он делает своей палочкой.

Палочка указывала на твой дом! На твои окна! И они не были так же черны, как остальные. Там горел свет, и на фоне занавески четко вырисовывались силуэты цветочных горшков с геранями.

– Только не бегите туда, – сказал старик. – Там ее нет. Но должны же вы куда-то приходить и глядеть. Для этого в квартире зажигают свет. Согласно постановления. А что вы не играете в шахматы, – добавил старик, – это очень жаль. Что еще здесь делать?

– Мне – есть что.

– А... Думать о ней вы можете и во время игры. А я бы дал вам три хода форы.

Я развел руками.

– Жаль, – старик погрузился и, постукивая палкой, двинулся дальше. – Слушайте, – обернулся он. – Куда она улетела?

– В Одессу.

– А когда вернется?

– Не знаю... может, через неделю.

Старик почему-то огорчился и вздохнул.

– А в Одессе я когда-то жил, – сказал он. – Весёлый город.

3

Я сижу под твоими окнами на разноцветной скамейке. Раньше ее здесь не было. Здесь был ларек «Мороженое», в котором продавали пиво. Когда я ждал тебя или когда просто приходил посмотреть, как поздно вечером гаснет свет, возле ларька люди в мятых пиджаках спорили о проблемах жизни. Я не помню ни слова – я их не слышал. Для меня не было проблем, кроме тебя. Нет и сейчас.

Я так сильно люблю тебя, что даже строгий Ленсовет сделал все от него зависящее, чтобы моя любовь не утонула в сером тумане. Они подарили мне целый город. Они убрали ларек и поставили скамейку – единственную разноцветную

скамейку в обесцветившемся городе.

Свет в твоих окнах горит ярко и весело. Что еще нужно человеку? Я подожду, буду ждать, сколько нужно, не беспокойся за меня.

Время всегда устремлено вперед – даже остановившись, оно работает на будущее.

4

Не знаю, сколько секунд или часов прошло с тех пор, как сторож привел меня под твои окна. Было десять часов двенадцать минут. Туман по-прежнему не рассеивался.

Но, подняв голову, я увидел, что окна твои уже не светятся. Старик сказал: «зажигают свет» – вероятно, это значило, что зажигают не всегда, потому что экономят электроэнергию. Кончился сеанс. И скамейка стала серой – как всё в Ленинграде.

Я встал и пошел вдоль по Ивановской. И вдруг впереди заметил живую фигуру.

Человек приближался – но это был не сторож. Он шел медленно, иногда совсем замедлял шаг и, видимо, тоже приглядывался ко мне. Наконец, мы оба остановились.

– Кто это? – спросил он.

– А вы?

– Мне казалось, что я здесь один.

– Мне тоже.

– Я вначале принял вас за сторожа.

– И я.

Мы подошли друг к другу ближе. Это был хмурый мужчина в очках и сандалиях на босу ногу; худой, с длинными кистями рук, торчащими из рукавов.

– Этот сторож вообще жулик, – сказал человек. – Вчера он клялся мне, что в городе больше никого нет.

– Вчера?

– Да, это началось вчера. Я вышел из дома вечером.

– Вчера вечером вот здесь стояла очередь за квасом, – сказал я.

Мужчина нервно дернул плечом, длинными пальцами вытащил из пачки папиросу.

– Какая разница, – сказал он довольно равнодушно. – Там, где начинается чертовщина, кончается всякая логика. Кури-те?

Мы закурили и курили молча с минуту. Вдруг он сухо и коротко рассмеялся:

– Который час?

– Двенадцать минут одиннадцатого.

– Вечера?

– Утра.

– Вот видите, – снова усмехнувшись, сказал он. – А на моих по-прежнему половина девятого. Вечера. Убедитесь.

Он поднес к моему уху руку с часами. Часы тикали, но секундная стрелка была неподвижна.

– Ну что же, – сказал человек. – Раз уж мы с вами делим город по-коммунальному – давайте знакомиться.

Фамилию он произнес неразборчиво, но очень внятно добавил:

– Архитектор.

Мы пожали друг другу руки и пошли рядом.

– Все относительное разумно, – продолжал Архитектор, по-интеллигентски выворачивая на ходу ступни. – Вот абсолютное – как раз показать трудно, а относительностью можно объяснить любую диковину. Я знаю только одно – вчера утром Комиссия приняла мою работу. А вечером я вышел купить папирос и подумал: было три года работы – и вот ее нет. И как только я подумал – началось это. Всю ночь я бродил по городу... Может быть, это просто – смерть?

Он посмотрел на меня, но в лице его не было вопроса. И я понял, что ему не нужен ответ.

– Какой наполненной была эта адская, сумасшедшая, сволочная жизнь... Заседания, согласования, комиссии. Будильник в шесть, склоки с заводами... Вы знаете, когда я возвращался домой и вымывал цементный колтун из головы – я был уверен, что это не кончится никогда, что это теперь на всю жизнь... Был уверен до вечера вчерашнего дня. И вдруг – все остановилось. Как в кино – машина разбилась, а одно колесо все еще катится по инерции... И в полной тишине... Хотите посмотреть его... плод всех усилий?

И на этот раз не было вопроса – было почти требование.

– Хочу.

– Это близко. Я как раз шел туда. Сейчас нам направо.

Мы свернули направо – и пошли вдоль вереницы пустых такси на стоянке, в каждом из которых была открыта передняя дверца и горел серебряным светом глазок.

– Конечно, это не Парфенон, – заметно волнуясь, сказал Архитектор. – Но кое-что мне, кажется, удалось сделать. И доказать. Главное – доказать. Вы не знаете, какие лбы сидят... там... Э, вы ничего не знаете. Дайте Монферрану сборный железобетон – и пусть он вам построит Исаакия!..

По мере того, как мы, видимо, приближались к цели, он становился все разговорчивей и все чаще запускать длинные пальцы в пачку за папиросами, не докуривая их до конца.

– Сейчас... – вдруг сказал он одеревеневшим голосом. – За углом... Идите вы – я за вами...

За углом – это был конец Ивановской – начинался пустырь, посреди пустыря серо поблескивал котлован, залитый дождевой водой.

– Ну?..

– Я ничего не вижу.

– Как же не видите! – сердито закричал он, выбегая из-за угла. – Вот же, вот – прямо перед вами!

За котлованом были железнодорожные пути, огражденные забором; провода электролинии уходили в туман.

– Действительно не видите? – помолчав, тихо спросил Архитектор.

– Нет.

– Дело в том, что я тоже... ничего не вижу...

Он досадливо поморщился – и выкинул в лужу очередную недокуренную папиросу.

– Я забыл, что мы – в этом странном мире. Здесь одна пустота и туман... Идемте, извините, что заставил вас шагать по грязи.

Некоторое время Архитектор шел впереди меня, и я видел только его сутулую, усталую спину. Потом он спросил, не оборачиваясь:

– Слушайте, а ведь по теории вероятности когда-нибудь, через страшное количество миллионов лет, у кого-то, новорожденного, могут совпасть с нашими все комбинации генов и хромосом?.. И мы снова будем жить? Для нас ведь этот квинтильон лет промчится как одно мгновение... Умрешь – и сразу родишься снова. Чтобы начать жизнь сначала. А?.. Впрочем, что я болтаю, все глупости жуткие. Ничего не повторяется... Кроме худшего. Вроде вот этого, – с отвращением кивнул он на стандартную телефонную будку. – Её-то вы видите?

– Вижу.

– Естественно... Это – тоже мое творение. – Архитектор поклонился. – Обратите внимание на пропорции стекла и бетона. Снижение веса на тридцать процентов за счет отсутствия фундамента. Идеальная транспортабельность... Войдите внутрь! Чувствуете – простор? А акустика?.. Филармо-

ния! – он ударил ногой по бетонному боку будки, и она глухо загудела. Архитектор ударил еще раз и еще, и лицо его было полно тоскливой ярости.

– Нехорошо хулиганить, – раздался знакомый голос. – А еще ученый человек. Ай-яй-яй.

Старик-сторож приближался к нам из тумана, неся в одной руке лопату, в другой – ящик цветочной рассады.

– Это вы, старый жулик? – недружелюбно сказал Архитектор.

– Это я, – сказал сторож. – А что?

Архитектор ничего не ответил, отошел в сторону и сел на край тротуара.

Сторож тем временем, кряхтя и постанывая, опустил ящик на землю возле давней, поросшей сорной травой клумбы. Цветы были все одного цвета – серые.

– Вы уже познакомились?.. – сказал он несколько смущенно. – Как приятно смотреть, когда беседуют два умных человека.

И сторож воткнул лопату в клумбу.

– Кстати, я не спросил, за что вы попали сюда? – вяло поинтересовался Архитектор.

– За любовь, наверное, – ответил я, удивившись его неожиданной формулировке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.